

Оксана Панкеева

Пересекая границы

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Хроники странного королевства

Оксана Панкеева

Пересекая границы

«Автор»

2003

Панкеева О. П.

Пересекая границы / О. П. Панкеева — «Автор»,
2003 — (Хроники странного королевства)

Если волею случая вас переносит в волшебный иной мир, где обитают благородные короли, отважные рыцари и могущественные маги, не стоит думать, что вы попали в сказку. Избавившись, как вам кажется, от всех старых проблем, вы немедленно наживете новые. Коли уж у вас в прежней жизни все было не как у людей, то отчего же теперь что-то должно измениться? В милом сказочном королевстве этих самых проблем – только решать успевай, а приключения сами находят тех, кто ленится их искать.

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Оксана Панкеева

Пересекая границы

Вместо пролога

Всякое бывает с людьми. Жизнь иногда подбрасывает такие фишки, что ни в одном кино не увидишь, потому как никакой сценарист в здравом уме до такого не додумается. А у больного кто ж сценарий возьмет?

А ведь начинается все, можно сказать, очень просто и даже обыденно. К примеру, вот так...

Тебе двадцать один год, и четыре из них ты вполне успешно изучала иностранные языки, пока не случилась катастрофа. Впрочем, и без этого все было плохо. У родителей нет денег, и твой последний курс под большим вопросом. Разве что папе снова начнут платить зарплату, но это вряд ли. Но деньги еще ладно, можно где-нибудь самой подработать. Но вот потом... Что делать потом? Угораздило же сдуру выбрать такую экзотическую специальность, как испанский язык! Конкурс был меньше, на английский вообще не поступила бы. А теперь? Теперь, как ни прискорбно это признавать, доходит, как до того жирафа, с большим запозданием, что конкурс был меньше не просто так, а по самой объяснимой причине. Что с этой специальностью делать? В большом городе можно было бы попробовать устроиться, но для этого надо там жить. А чтобы там жить, надо иметь такую работу, с которой хватало бы и на жизнь, и на квартиру. А еще прописаться каким-то образом, а то ведь вообще никуда не возьмут... Замкнутый круг. Чтобы найти такую работу, надо иметь или знакомства, или феноменальное везение, а ни того, ни другого нет. Равно как и еще одного полезного качества, которому трудно найти название, но благодаря которому люди ухитряются устраивать свою жизнь в таких же, и даже намного худших, обстоятельствах. Закономерный финал: пометаться пару месяцев, пока из общаги не выселят, и валить домой, в родные Большие Кульбабы, задрипанный районный городишко, где вообще делать нечего. Разве что вкалывать на том заводе, где папе зарплату не платят. Или на базаре. Кому нужен испанский в родном городе?

И вот топаешь ты с ночного поезда пешком домой, потому как автобусы уже не ходят, а на такси, разумеется, ни копейки. Размышляешь обо всем этом, и такая безнадега вырисовывается, хоть топись. Бывает же, что человеку по жизни вообще ни в чем не везет. Ни в любви, ни в работе, а в финансовом вопросе – вовсе полный провал. Идешь ты вот так и даже не понимаешь, что эти проблемы вдруг становятся смешны и уже неактуальны, поскольку жизнь кончена и все пропало в прямом смысле. В самом прямом, какой только бывает. И когда тебя вдруг хватают за горло сзади, ты успеваешь только увидеть блеск лезвия в свете фонаря и запоздало вспомнить, что по городу давно ходят слухи о маньяке.

Само собой, в такой момент никакому идиоту не взбредет в голову думать о параллельных мирах, волшебниках, эльфах, принцах и прочих там сказках. Какие уж тут сказки?..

Глава 1

*Пух спросил у Кристофера Робина: «Как они сюда попали?»
А Кристофер Робин ответил: «Обычным путем. Понятно, что это
значит?»*

А. Милн

В королевстве Орган, как и на всем континенте, протянувшемся с севера на юг от Белого океана до Мистралийских морей, никто в жизни не подумал бы назвать волшебников, эльфов и гномов сказками. Хотя бы потому, что волшебники и гномы благополучно проживали бок о бок с людьми, а от эльфов остались многочисленные и убедительные свидетельства их существования. И о параллельных мирах было достоверно известно, что таковые существуют, чему имелись наглядные доказательства – так называемые переселенцы. Никто толком не ведал, почему и как происходят перемещения, но зато все знали точно, что это бывает. Дотошные маги, занимавшиеся исследованиями в этой области, даже вывели несколько закономерностей упомянутого явления, однако понять его механизм так и не смогли. А остальным обитателям мира было все равно, отчего, почему и откуда берутся эти странные чужаки. Откуда бы ни взялись, лишь бы не мешали – не лезли со своим уставом в чужой орден, не пытались переделать мир на свой вкус, не оскорбляли общественную нравственность и вообще давали коренным жителям жить спокойно.

В ту ночь, когда королевство Орган в очередной раз пополнилось переселенцем, коренные жители спали спокойно. Ночь была самой обычной, ничем не примечательной, каких в году бывает полно. Не было никакого праздника, никаких магических знамений, и с астрономической точки зрения она тоже ничем не была интересна. Даже дождя не было. Так что представить, что как раз сегодня случится нечто очень важное для судьбы королевства никто не мог.

...Бывает же так! Тебе тридцать, ты красавец мужчина пяти с лишком локтей ростом, и у тебя есть все, что только можно пожелать. Здоровье – сколько угодно, о твоей нечеловеческой силе слагают легенды и баллады. Деньги – хоть купайся в них, сокровищница дракона способна обеспечить человеку безбедное существование на всю оставшуюся жизнь, а ты выпотрошил их четыре, не считая того, что причиталось просто по наследству. Женщины – падают в обморок, едва услышат твое имя, хотя тебе это, в общем-то, безразлично, ведь только одна из них для тебя дороже всего на свете, и вы счастливы, что бы ни говорили по этому поводу злые завистники. Власть – она тебя никогда не интересовала, но если кому интересно, то ты все же принц и первый наследник престола (пусть пошлют боги твоему кузену-королю долгую жизнь, хорошую жену и побольше других наследников!). Слава – уж ее-то больше чем достаточно: в королевстве Орган, да и на всем континенте вряд ли найдется человек, который не слышал о твоих подвигах...

И если бы кто-то набрался наглости и спросил принца-бастарда Элмара, какого же рожна ему еще не хватает, пожал бы его высочество могучими плечами, опустил бы пронзительно-синие глаза в томик классической поэзии, вздохнул бы печально и промолчал. Потому что вряд ли понял бы спросивший, что происходит в загадочной душе первого паладина короны, услышь он даже прямой ответ. Если б мог понять, не спрашивал бы. Да и незачем знать каждому встречному поперечному, что под стальной броней могучих мышц бьется сердце поэта, и принц-бастард не задумываясь отдал бы свою воинскую славу за то, чтобы уметь изящно сплести слова. Но, увы! – поэт из Элмара получался никудышный, и, поскольку ценителем он был настоящим, всю никчемность своих поэтических экспериментов признавал полностью. Вот и оставалось сидеть в библиотеке с бутылкой доброго вина, вчитываться в бессмерт-

ные строки давно почивших бардов, наслаждаясь их неповторимой прелестью, и размышлять о вещах возвышенных и прекрасных. Так было и в эту ночь...

Не спал и весельчак Жак, личный шут и большой друг его величества короля. Его-то одолевали чувства и мысли, даже отдаленно не походившие на светлую печаль принца-бастарда Элмара.

Бывает ведь и так... Тебе всего-то двадцать шесть, а ты уже достиг таких немислимых вершин, что придворные зеленеют от зависти и с тайной надеждой ждут, когда же наконец его величеству надоест наглый выскочка и можно будет насладиться падением и унижением нынешнего королевского любимца. Дождетесь, как же!.. Плохо вы знаете короля, господа придворные. А шута, можно сказать, и вовсе не знаете...

А началось все с того, что принц Мафей стал видеть вещие сны. Это никого не удивило, маги, они вообще со странностями... но надо же было такому случиться, чтобы ему приснился именно Жак! Да еще в таких обстоятельствах, что бедному шуту дурно сделалось, когда он об этом узнал. Меньше всего на свете ему хотелось оказаться в таких обстоятельствах – лежать на столе, залитом кровью, да еще чтобы какой-то незнакомый мистралиец при этом бил ему морду... Крови Жак вообще боялся до обмороков, а, увидев мистралийца, старался перейти на другую сторону улицы. Но раз Мафею все это приснилось... Страшно, господа, действительно страшно! Настолько, что даже общество прекрасных дам не помогает. Едва сомкнешь глаза, приходят кошмары, и хотя у Жака сны не вещие, но получаются куда живописнее, чем у любого ясновидца.

Вот и на этот раз, проснувшись в холодном поту, шут долго сидел обхватив колени руками. Дрожь не отпускала. Тогда он встал, спустился в кабинет и трясущимися руками налил себе пивную кружку самогона, после которого ощущение страха немного притупилось. Потом Жак сел на пол и тихо заплакал.

Не спала в эту ночь и танцовщица Азиль, но по гораздо более простой и приятной причине. Она вдохновенно и самозабвенно занималась любовью со случайным кавалером, с которым час назад познакомилась на улице и который на рассвете должен был исчезнуть из ее жизни навсегда. Так было нужно, хотя танцовщица не совсем понимала зачем. Азиль – подкидыш, найденный у дороги кочующими хитанами, – не имела понятия, кто она такая, пока однажды один из любовников не задал вопрос, человек ли она вообще? А затем взял за руку и повел к магу, который и объяснил девушке, что она – нимфа. Правда, больше ничего вразумительного маг сказать не смог, так как люди знают о нимфах крайне мало, но Азиль и за это была благодарна. По крайней мере, она убедилась в том, что ее странности на самом деле совершенно нормальны для нимфы и что все идет как надо. Пусть люди этого не понимают, пусть думают, что если женщина видит нечто, недоступное обычному человеческому зрению, то она ведьма, если говорит непонятные вещи – ненормальная, ну а если имеет обыкновение проводить ночи с разными мужчинами – шлюха... Глупо требовать понимания от людей. Впрочем, сейчас, когда Азиль прожила в столице почти три года, каждый мужчина почитал за великую честь удостоиться внимания танцовщицы и получить в придачу к незабываемой ночи еще и частичку природного волшебства нимфы, которое приносило только добро. Ну а женщины по-прежнему считали ее шлюхой, притом бесплатной и оттого особо испорченной. Что с них взять...

А несравненная Азиль не понимала, как можно спать с мужчиной, которого ты не хочешь, и как можно брать за это деньги? Это вообще святотатство – брать деньги за любовь.

Ученица лекаря Тереза мужчин не любила. Прикосновения, заигрывания и даже разговоры об интимном вызывали у нее отвращение и страх. Так бывает, и очень часто, и написано

на эту тему множество психологических исследований, но никому от этого не становится легче. Тереза жила в королевстве Ортан уже полтора года – с тех пор, как она переместилась сюда из своего мира при обстоятельствах, которые при всем желании нельзя было назвать приятными. За это время она немного успокоилась, обжилась, нашла себе работу и занялась изучением местной медицины, но отвращение и страх перед мужчинами так и не прошли. Наставница качала головой и говорила, что всякая психотравма лечится, надо только переступить один раз через свои религиозные предрассудки и пойти в храм Мааль-Бли, а христиане тут ничем не помогут, к ним и соваться не стоит.

В эту ночь Тереза тоже не спала, но личные проблемы ученицы лекаря не имели никакого отношения к причине ее бессонницы. Просто утром она должна была сдавать наставнице очередной экзамен и очень волновалась. Не потому, что чего-то не выучила – такого с ней никогда не бывало. Просто Тереза переживала перед каждым экзаменом из-за чрезмерно развитого чувства ответственности.

А вот его величество король Ортана Шеллар III вообще не переживал. Единственное, что могло вызвать у него неприятные переживания, было зеркало, но в настоящий момент его рядом не было.

...Так тоже бывает. Тебе тридцать два, и ты – король. Пусть твоя власть не абсолютна и не безгранична, но все же ты повелитель довольно крупного государства. Ты волен казнить и миловать, начинать и прекращать войны, раздавать и отбирать титулы и многое другое, но есть кое-что, чего ты никоим образом не можешь изменить при всей полноте своей власти, и это кое-что каждый день смотрит на тебя из зеркала. Есть вещи, неподвластные даже королям...

Шеллар еще не ложился, но вовсе не потому, что ему что-то мешало, просто он... вообще спал мало – четырех часов в сутки вполне хватало для того, чтобы нормально жить и работать. А поскольку к полуночи все государственные дела были закончены и два валяющихся с ног секретаря милостиво отпущены спать, король играл в шахматы с придворным магом Истраном. Шахматы появились в Ортане недавно, но никто так толком и не понял, кто и откуда их завез. Грешили на самого Шеллара, так как, во-первых, все следы обрывались на нем; во-вторых, он очень полюбил эту игру и пытался распространить ее при дворе. К сожалению, кроме мэтра Истрана, достойных соперников для главы государства не нашлось. Кто-то, правда, видел, что король якобы играл в шахматы со своим шутом, но вряд ли его величеству удалось добиться от разгильдяя Жака большего, чем от своих министров и прочих придворных.

– Как поживает малыш? – поинтересовался король, переставляя ферзя. – Я давно уже с ним не общался из-за всей этой канители с орденом Десницы Господней...

– Вы имеете в виду принца Мафея? – уточнил мэтр Истран. – Как обычно. Я иногда просто не знаю, что с ним делать. Воспитание принца было крайне запущено еще в детстве. К счастью, принц был еще слишком мал, чтобы озлобиться и превратиться в мстительное, безнравственное существо, что было бы угрозой для всего мира, и мне удалось хоть что-то сделать. Но рассеянность, безответственность и несерьезность принца, с которыми не могу справиться даже я, вполне могут когда-либо...

– Да ладно вам, – усмехнулся Шеллар. – Можно подумать, он родился злобным и безнравственным! Принц был добрым и славным ребенком и вырос нормальным парнем. А разгильдяем он был всегда. Им и остался. Может, с возрастом остепенится. Вы же сами говорили, что с эльфами это происходит годам к ста...

– Поверьте, ваше величество, этому миру очень повезло, что малыш не успел еще дойти до мысли, что, когда тебя обижают, можно дать сдачи. Что же касается его разгильдяйства, то, по-моему, он достаточно взрослый, чтобы соображать, что делает! Неужели трудно понять, что обладание такой Силой накладывает определенные ограничения?

– Поверьте, мэтр, в пятнадцать лет это очень трудно. Все дети во все времена нарушали запреты просто потому, что им хочется. Кто-то курит в укромном уголке, кто-то лазает к девчонкам в окно, а кто-то пробует колдовать в меру сил.

– Вот именно – в меру! А если не в меру? Я множество раз запрещал ему тащить из других миров что ни попадя, объяснял, что это может быть опасно. И вы объясняли. И Жак объяснял. На конкретных примерах. И без толку.

Король вздохнул, снова переставил ферзя и сообщил:

– Вам мат, мэтр Истран.

– Мат так мат, – равнодушно согласился маг и стал складывать фигуры в коробку. – Пойду я, ваше величество, посмотрю, что там делает наш принц Мафей. А то что-то на душе у меня беспокойно.

Вышеупомянутый принц Мафей тоже, разумеется, не спал. Грех было не воспользоваться тем, что наставник ушел пообщаться с королем, и не пошарить быстренько в других мирах. Принц не мог понять, почему все так стремятся запретить это увлекательное развлечение? Он был уверен, что когда-нибудь ему попадется что-то столь необыкновенное, что все сразу поймут, как были не правы. А еще Мафей втайне мечтал, что в один прекрасный день спасет от смертельной опасности девушку своей мечты и она тут же его полюбит... Правда, он плохо представлял себе эту самую девушку, но был уверен, что узнает ее, когда увидит. Как минимум, она должна была быть прекрасна (а как же иначе!), не обременена предрассудками, будто секс на первом свидании – свидетельство безнравственного поведения, и уж конечно при общении с его высочеством будет с интересом поддерживать разговор о магии, а не интересоваться формой ушей принца. Нездоровый интерес других к его ушам просто раздражал. Ну, выросли они длиннее, чем у окружающих, и заостренные кончики обязательно торчат из-под волос, так что, обязательно нужно на них пялиться? Коль уж на то пошло, он и не должен быть похож на других людей хотя бы потому, что он и не человек вовсе... ну, не совсем человек, если точно.

Юноша уселся на пол скрестив ноги, вытянул руки перед собой и сосредоточился. По правилам следовало четко представлять, что именно ему надо, и мысленно дотянуться до искомого объекта, но на самом деле Мафей никогда этого не делал. Намного интереснее было схватить что-то неизвестное и потом долго изучать, пытаться понять, что это может быть и для чего находку можно использовать. В этом и была вся прелесть «слепой охоты», ради этого, собственно, и нарушались строгие запреты наставников.

Принц закрыл глаза, позволив сознанию свободно плавать где-то в пространстве, ни на чем определенном не фиксируясь, и стал ждать радостного момента, когда в руки попадет неведомое «что-нибудь»...

И еще один человек не спал в эту ночь, хотя не имел никакого отношения к королевству Орган и находился от него очень и очень далеко, в Зеленых горах, на севере сопредельной Мистралии. Он внимательно читал наспех сшитую тонкую тетрадку и недовольно ворчал себе под нос заковыристые ругательства. Чуть поодаль от него сидела девушка в мужской одежде и угрюмо играла тонким кинжалом.

Бывает еще... Впрочем, ни бурная биография, ни служебные секреты профессионального убийцы не годятся для публичного обсуждения, так что не стоит на них подробно останавливаться. Как бывает, так и бывает. Не наше это дело, и соваться в него себе дороже выйдет.

– Кончай материться, – сказала наконец девушка. – Надоело.

– Ты это читала? – спросил мужчина, кивая на рукопись.

– Читала. Дерьмо. Интересно, кто эту легенду сочинил?

– Полагаю, лично полковник Сур. Лучше бы специалистам поручил. Да и подобрали нашу команду, должен сказать, неудачно. Нашли тоже любящих супругов...

– Думаешь, мне это приятнее, чем тебе?

– Не приятнее, а проще, – закрыл тетрадь мужчина.

– Чем же это? – нахмурилась девушка.

– Тем, что «жене» не обязательно изображать страстную любовь, тем более что ты этого не умеешь и не сможешь. Люди просто подумают, что тебя против твоей воли выдали замуж, только и всего. Это сплошь и рядом случается. А вот мне придется корячиться по полной программе. Во-первых, – он начал загибать пальцы, – я должен быть в тебя влюблен, раз я тебя добился даже против твоего желания. Во-вторых, я должен быть достаточно безнравственным, раз принудил девушку к браку. В-третьих, я либо полный придурок, раз не вижу, как ты ко мне относишься, либо полный засранец, если вижу, но считаю это не трагедией, а просто поводом показать, как я умею укрощать строптивых девиц.

– Ну вот и оставайся полным засранцем. Тебе это будет не так уж трудно изобразить. Только имей в виду, если ты начнешь меня укрощать на самом деле...

– Не будь душой. Не на самом деле, а понарошку. И если нам понадобится уверить окружающих, что я тебя бью, будешь, как миленькая, кричать, плакать и просить пощады, а на следующий день всем жаловаться. О том, что ты можешь дать мне сдачи, на время операции забудь. Ты не убийца Саэта, а донья Маргарита, благовоспитанная девушка из хорошей семьи. Бедной, но честной.

– Отвратительно, – с чувством сообщила девушка. – Унизительно и гнусно.

– Это еще не самое страшное, – вздохнул потенциальный муж.

– А что самое?

– То, что репутация засранца может нам сильно помешать в наших поисках. Понимаешь? Негативное отношение окружающих...

– Понимаю. А что делать?

– Можно немного переиначить. Допустим, я человек, в общем, неплохой и действительно тебя люблю, а ты согласилась выйти за меня замуж в надежде, что стерпит-слюбится. И мы честно пытаемся притереться друг к другу. Но эта версия потребует от тебя немного больше усилий.

– А от тебя меньше.

– Несравненно. Отрицательные роли всегда труднее. Если хочешь, давай поработаем с одним и с другим вариантом, потом сравнишь.

Девушка кивнула и сказала:

– Знаешь, сначала мне даже не хотелось охотиться за этой ведьмой. Я считала, что ее жертвы полностью заслужили свою участь, но долг есть долг и приказ есть приказ. Теперь же... когда я поняла, что мне реально предстоит... я бы ее голыми руками удавила.

– Похвальное стремление. Только не забудь, что убить ее – дело второе. Первое – вернуть деньги.

– Послушай, – обиделась девушка – Я тоже знаю инструкции и не хуже тебя умею их выполнять.

– Разумеется, – криво усмехнулся мужчина. – Тебе же, наверное, уже рассказали, что инструкции – мое слабое место. Я никогда не питал к ним почтения и нарушаю при каждом удобном случае. Так что выполнять инструкции ты, уж точно, умеешь лучше...

Заметив краем глаза постороннее облачко посреди библиотеки, Элмар поднял голову. Из серого тумана возникла перепуганная физиономия сводного брата Мафея и умоляюще захлопала глазами. «Опять натворил чего-то», – недовольно подумал Элмар, понимая, что сейчас ему придется оставить свое уютное кресло и решать чужие детские проблемы.

– Что в этот раз? – со всей возможной строгостью спросил он, когда Мафей материализовался полностью. – Опять что-то выудил и не знаешь, что с ним делать?

– Не что-то, – жалобно отвечал непутевый брат. – Кого-то.

– Так это от «кого-то» у тебя шишка на лбу? Рассказывай.

– Пойдем, по дороге поговорим, – тяжело вздохнул принц Мафей. – А то она полдворца перебудит...

– Начинай, – скомандовал Элмар. – Не пойду же я в халате и тапочках.

Принц-бастард принялся не спеша натягивать сапоги, а братец замялся, не зная, как начать.

– В общем, я выудил девушку... – сообщил наконец он.

– Живую-здоровую? – уточнил Элмар.

Согласно законам мироздания из любого мира можно было изъять только то, что в ближайшую минуту и так прекратит существование, поэтому люди, которые попадались в руки Мафею чуть ли не чаще, чем вещи, обычно умирали на месте, так как спасти их было уже поздно. Живыми оставались только те, кому в ближайшую минуту предстояла смерть неожиданная и мгновенная.

– Здоровее некуда! Это она мне шишку поставила! Я не успел и рта раскрыть, как она крутанулась, ухватила первое, что под руку попало, и с криком: «Я тебе покажу, маньяк, извращенец сопливый!» – засветила мне между глаз так, что искры посыпались. Я с перепугу телепортировался не глядя куда, попал в чью-то спальню... оттуда уже к тебе.

– Что ж, поздравляю... – усмехнулся Элмар. – А если бы это была не девушка, а воин в пылу сражения, который как раз хорошенько замахнулся мечом?..

– По-моему, она и есть воительница. Она так одета... ну, в штанах, в башмаках... Пошли скорее, там дверь, конечно, заклинанием запечатана, но вдруг она ее выломает и побежит по дворцу... Еще убьет кого-нибудь.

– М-да, – хмыкнул принц-бастард. – Жаль, не попадется ей по пути господин Хаббард, даже обидно, что его с некоторых пор не пускают во дворец...

Элмар застегнул походную куртку, которую накинуд для скорости – на камзоле было слишком много застежек, – и сообщил, что готов.

– Ага... – сразу занервничал Мафей и стал разминать пальцы, перед тем как колдовать. – А куда? Прямо в мою комнату?

– Да нет, пожалуй, лучше в коридор. Я с ней через дверь поговорю. Не хватало, чтобы первый паладин его величества дрался с разгневанной девчонкой. Ну, давай.

Элмар приобнял брата за плечи, тот сделал несколько пассивов, и вокруг них сгустилось пушистое, серое, как зайчик, облачко. Когда оно рассеялось, братья уже стояли у двери в комнату принца Мафея. Было отчетливо слышно, как изнутри кто-то яростно ковыряется в замке, ругаясь вполголоса.

Элмар сначала аккуратно постучал. Скрежет и ругань прекратились – видимо, девушка все же была не настолько разгневана, чтобы совсем забыть об осторожности.

– Сударыня, – как можно вежливее начал Элмар. – Я прошу меня простить за то, что нарушил ваше уединение, но не будете ли вы так любезны впустить меня?

– Видите ли... Я не знаю, как открыть дверь, – растерянно отозвались из комнаты.

– Это не проблема, я сейчас сам открою, только умоляю вас не бросаться на нас с тяжелыми предметами и выслушать мои объяснения. Вам здесь абсолютно ничего не грозит.

– А где я, собственно?

– В королевском дворце, в комнате принца Мафея, весьма безалаберного юноши, который столь безответственно балуется с Высшими Силами.

– Входите, – решительно сказала девушка. – Но учтите, у меня есть газовый баллончик.

Элмар кивнул на дверь:

– Открывай. И немедленно иди сообщи обо всем Шеллару и мэтру Истрану.

– Как! – в ужасе воскликнул Мафей. – Я думал, что ты им сам скажешь!

– Будь мужчиной. За свои поступки следует отвечать. Наказание от наставника ты заслужил. Или ты хочешь, чтобы дама, которую ты насмерть перепугал, испробовала на тебе свое загадочное оружие? Тогда ступай к ней, а я пойду к королю. Только выволочку от мэтра Истрана ты все равно получишь, правда, попозже.

Мафей насупился, щелкнул пальцами и хлопнул ладонью по замку. Потом он печально поплелся прочь, а Элмар степенно одернул куртку, поправил волосы и легонько толкнул дверь.

Добыча шкодливого братца стояла у дальней стенки и настороженно зыркала на принца-бастарда из-под соломенной челки. Девушка действительно сильно смахивала на воительницу – в светло-голубых штанах, тяжелых ботинках и куртке из черной кожи, с коротко подрезанными волосами, собранными на затылке в куцый пучок. Однако воительницей она не была, это Элмар определил сразу – по манере двигаться, по неспособности выбрать стратегически правильную позицию в комнате и по тому безмолвно-восторженному интересу, который мгновенно возник в ее глазах при виде красавца мужчины.

– Принц-бастард Элмар, первый наследник короны Ортана, – церемонно представился он, кланяясь согласно этикету.

– Меня... меня зовут Ольга. – Было видно, что девушка озадачена и растерянна, но в обморок падать не собирается. Имя у нее было самое что ни на есть воинское, похожее на лязг металла. А титулов, по всей видимости, не имелось.

– Прошу вас, присядьте вот в это кресло, – предложил Элмар, – и побеседуем. У вас, наверное, ко мне масса вопросов.

Едва свернув за угол, принц Мафей столкнулся нос к носу со своим наставником и с августейшим кузеном, которые прогуливались по дворцу.

– Так-так, – сурово произнес мэтр Истран, нахмутив седые брови. – Что мы здесь делаем посреди ночи, молодой человек?

– Я... я вас ищу, – честно выдохнул ученик и опустил глаза, ожесточенно ковыряя сапожком мраморную плитку пола. – Я... у меня там...

– Понятно, – вздохнул король. – Опять труп посреди комнаты. Ковер придется чистить заново... Что, на этот раз Элмар отказался таскать и закапывать в саду результаты твоих экспериментов?

– Нет... то есть... там живая девушка. Элмар с ней беседует.

– Почему Элмар, а не служба адаптации? – поднял бровь Шеллар III.

– Я забыл... Я испугался... Она меня стала бить, и я...

– Мэтр Истран, – нахмурился король. – Разберитесь, пожалуйста, с этим безобразием. Меня телепортируйте к... – Он покосился на принца и уклончиво закончил: – Сами знаете куда. А принц пусть немедленно отправляется в мою спальню и ложится в постель. С этим великим магом, избитым девушкой, мы завтра разберемся.

Мафей, сгорая от стыда, бросился в сторону королевской опочивальни, а мэтр Истран изящно встряхнул кистями рук и спросил:

– А назад вы как доберетесь, ваше величество?

– Не заблужусь же я в собственной столице! Тут недалеко.

– И думать не смейте ходить ночью по городу без охраны, да еще в такое время...

– Хорошо, хорошо, – не стал спорить король. – Свяжетесь со мной минут через двадцать и заберете обратно. Или пришлете кого-нибудь из подчиненных.

Мэтр неодобрительно покачал головой и легким мановением руки очертил вокруг короля невидимый полукруг.

Спустя пять секунд его величество материализовался посреди гостиной своего шута. В доме было темно, но наверху в спальне слышались невнятные сдавленные звуки. «Опять у Жака дама... Да еще непременно окажется, что это моя нынешняя фаворитка, очаровательная Алиса... – недовольно подумал король. – Что они все к нему липнут? Сейчас войду, опять скандал будет. При дворе разговоров на месяц. Да и свинство, конечно, стаскивать человека с дамы и заставлять работать посреди ночи...» Делать, однако, было нечего, не зря же он, в конце концов, пришел. Король поднялся по лестнице и громко постучал в дверь спальни, давая неверной фаворитке время спрятаться и избежать скандала, однако вместо ожидаемой панической суеи из спальни донесся душераздирающий вопль. Поняв, что дамой тут и не пахнет, а с Жаком произошло что-то серьезное, король быстро расстегнул верхние крючки камзола и достал из подмышечной кобуры очень дорогой и безотказный лондонский пистолет – последнее чудо техники, популярное среди спецслужб всех государств. Затем решительно пнул ногой дверь и ворвался в комнату. Однако ни одного врага он не обнаружил. Только в дальнем углу кто-то невнятно пискнул и стал медленно оседать на пол.

– Тьфу! – Шеллар неторопливо убрал пистолет в кобуру и включил осветительный шар. – Жак, что происходит? Я уже решил, что тебя убивают!

– Я тоже... – чуть слышно донеслось из угла. – Ну вы меня напугали...

– Чем? Стуком в дверь? Что с тобой происходит? Почему ты сидишь в углу совершенно голый среди кучи окурков? Самогоном от тебя разит на всю комнату!.. Зачем вопишь, как ненормальный? У тебя с головой все в порядке?

– Нет. – Жак выбрался из угла и тянул к себе халат.

Король понаблюдал, как он пытается попасть в рукава, и покачал головой.

– Это заметно. Пойдем в гостиную, соберешься с мыслями и объяснишь, что происходит.

– Хорошо, – покорно кивнул королевский шут и поплелся к лестнице.

Жак не стал включать свет в гостиной, только зажег свечу, поставил ее на стол и приглашающе махнул рукой. Потом полез в буфет и добыл оттуда изрядную бутылку с самогоном.

– Вам налить? – тихим бесцветным голосом поинтересовался он.

– Немного, – кивнул король, уселся в кресло и стал не торопясь набивать трубку. – Просто чтобы ты не спивался в одиночку.

Жак с сожалением посмотрел на кружку, потом достал из буфета две рюмки и тарелку с сыром.

– Давай я сам налью, – сказал король. – А то у тебя руки трясутся.

Жак измученно кивнул и опустился в кресло. Король подождал, пока шут выпьет и отдышится, потом спросил:

– Так что случилось?

– Да, в общем, ничего... реального. Пока. Мне просто приснился кошмар.

– И как часто с тобой такое бывает?

– Случается... Может, не стоит об этом говорить? Мне уже лучше.

– Стоит. Ты в последнее время какой-то сам не свой. Постоянно снятся кошмары? И давно?

– Нет.

– Может, кто-то на тебя порчу навел?

– Нет, не поэтому... – Жак вздохнул: – Мне рассказали про сон Мафей.

В лице короля немедленно появилось что-то жесткое и недоброе, в светлых, почти бесцветных глазах засветился ледяной гнев.

– Кто? – кратко спросил он. – Кто посмел?

– А почему вы так сердитесь? Да кто угодно. Какая разница.

– Я запретил. Я хочу знать, кто посмел меня ослушаться. Знали только Мафей и мэтр Истран. Это, разумеется, Мафей?..

– Знали слуги и все придворные, – криво усмехнулся Жак. – Если для вас так важно, мне сказала графиня Монкар. Ваша официальная фаворитка. Я не оправдал ее надежд, и она мне таким образом отомстила. Очень действенно, надо сказать.

– Бессовестная, жестокая стерва! – выругался король. – Я был о ней лучшего мнения. Чем же ты так ее обидел? В постели не уважил? Кстати, раз уж зашел об этом разговор, наведи хоть какой-то порядок в своей личной жизни и постарайся исключить из нее моих фавориток. Мне не жалко, но получается некрасиво.

– Я понимаю, – вздохнул непутевый шут. – Но они такие красивые бабы, что иногда не хватает сил отказаться.

– Можно подумать, они тебя откровенно домогаются.

– Нет, просто аккуратно соблазняют...

Король слегка наклонил голову и уставился на своего шута с откровенным любопытством:

– Послушай, Жак, ты можешь объяснить, почему они к тебе так и липнут? Не сочти это за упрек, мне просто интересно. Им что, медом помазано? Ты, конечно, симпатичный парень с хорошо подвешенным языком, и я понимаю, почему по тебе сохнут юные горожаночки, но мои придворные дамы?.. Графиня Монкар, герцогиня Дварри, холодная красотка Эльвира и прочие высокородные шлюхи, которые и не глянут на мужчину, если он только не богатый влиятельный аристократ в тридцатом колене. Что они в тебе находят, что их заставляет прыгать к тебе в постель, едва успев выбраться из моей?

– Тем же, чем и вы, – лукаво задрал бровь Жак. Видно было, что шут уже оправился от своих кошмаров и снова становится собой – веселым, ироничным и улыбчивым.

– Я? – нахмурился король. – Не морочь мне голову, я отлично знаю, как ко мне относятся мои придворные дамы. Они строят мне глазки, добиваются моего внимания, спят со мной, стоит только этого пожелать, нагло льстят в глаза, пытаюсь скрыть, что на самом деле я им противен... и за глаза называют уродом. Дорогие подарки и статус королевской любовницы – вот что их ко мне привлекает. Женщинам нравится золото, платья, украшения и положение в обществе. А при чем тут ты?

– Вы пропустили самое главное! – засмеялся Жак. – Больше всего их привлекает ваша корона. Они безумно хотят себе такую же.

Король вполголоса выругался. За пять лет правления его так часто донимали разговорами о браке и семье, что он успел приобрести стойкое отвращение к этой теме. Шеллар III был убежденным холостяком и приходил в ужас от одной мысли, что рано или поздно ему придется обзавестись супругой. А все, кому не лень, считали своим долгом напоминать королю о том, что династии необходим наследник. По несколько раз на день.

– Они знают, что ты пользуешься моим расположением, – сделал вывод король, – и пытаются у тебя выведать, как этого можно добиться? Интересно, и что они надеются услышать? Ты же не женщина, ты просто мой друг.

– Видите ли... – Жак вздохнул и посерьезнел. – Они каким-то образом знают о том, что была одна женщина, к которой вы относились совсем иначе, чем к другим. Не знаю, откуда им это стало известно. Но каждая ваша новая фаворитка, поимев честь перепихнуться с вашим величеством, обязательно приходит ко мне в надежде расколоть меня на предмет того, какой была эта женщина и что вы в ней нашли. Чтобы с пользой использовать эту информацию.

– И что ты им говоришь? – полюбопытствовал король.

– А что я могу сказать? Я вам свечку не держал. Вы же со мной на эту тему не откровенничали, вопреки ожиданиям наших дам. Я им разные вещи говорю. От настроения зависит. Иногда откровенно вру какую-нибудь несусветную чушь, иногда признаюсь, что не знаю...

– Постой-ка, – спохватился король, – это не после твоих «полезных советов» герцогиня Дварри пришла ко мне, разрисовав лицо красками, с перьями в волосах, и, отдаваясь, завывала как кошка в голубую луну?

Жак тихо захихикал, что было очень близко к положительному ответу.

– Спасибо, – хмыкнул король. – Спасибо за то, что стараешься разнообразить мою скучную жизнь. Хорошо, что это был я. Любой нормальный человек после этого остался бы импотентом до конца своих дней.

Жак захохотал.

– Ну разве я знал, что она такая дура? – простонал он. – Я же не думал, что она это воспримет всерьез и в точности выполнит... А что, это было так страшно?

– Ну, чтобы напугать меня, этого явно недостаточно. Слушай, а графине Монкар ты сказал что-то подобное? За что она так на тебя обиделась?

– Нет. – Жак перестал смеяться и серьезно объяснил: – Она меня так достала, что я ей откровенно нахамил. Я сказал, что та женщина не облизывалась на вашу корону. Видимо, графиня считает себя и невообразимо умной, и тонкой интриганкой, и неотразимой женщиной. То, что я так запросто раскрыл ее гениальные замыслы и неодобрительно высказался о них, ее очень рассердило.

– Алису я завтра отставлю, – задумчиво сказал король. – Не то чтобы я хотел ее наказать, но после такого свинства не хочу иметь с ней дела. Я надеялся, что она хоть немного лучше прочих. Умнее, по крайней мере. И то, что она всего лишь лучше других умеет льстить, лгать и притворяться, для меня огромное разочарование. А тебя я попрошу... Лучше говори всем, что не знаешь. Я не хочу, чтобы по двору ходили новые сплетни.

– Хорошо, – кивнул Жак.

– А теперь относительно твоих кошмаров... Почему ты сразу мне не сказал?

– Зачем? Вы мне ничем не можете помочь. Только зря расстроитесь.

– Почему не могу помочь? Я могу, например, прийти в гости среди ночи, выпить с тобой и развлечь беседой. Ты ведь делаешь для меня то же самое. Когда до тебя дойдет, что я не только твой король, но еще и друг? Я никогда не скрываю от тебя своих проблем. Почему ты сидишь один в углу и трясешься по ночам? Ты же с ума сойдешь в одиночестве. Хоть бы любовницу себе завел, что ли...

– Кстати, – вспомнил Жак, – ваше величество, а почему вы сегодня пришли? Не в гости же направлялись среди ночи, когда я вроде бы сплю, и, возможно, даже не один? Срочное дело?

– Какое теперь может быть дело? Отдыхай, сам разберусь. Давай я к тебе кого-нибудь пришлю, чтобы ты не сидел один.

– И я должен буду этому кому-то объяснять, что со мной происходит?

– Нет, – засмеялся король. – Просто в присутствии постороннего человека тебе станет стыдно бояться и ты сразу придешь в себя.

– Мне уже стыдно, – сокрушенно вздохнул Жак, – но все равно страшно. Откуда он взялся, этот мистралиец? Я так и знал, что они меня найдут.

– Успокойся, в подвалы ты больше не попадешь. Во сне не было никаких подвалов. Я спросил Мафея подробно, насколько это возможно.

– А что там было, если подробнее?

– Во-первых, стол. Обычный длинный стол, покрытый вышитой скатертью. На столе тарелки и блюда. Во-вторых, ты. Ты лежишь на столе, без сознания, весь в крови. Причем ни одной раны на тебе Мафей не видел, а только кровь, причем он настаивает, что ты был в ней весь, как будто тебя облили из ведра. И, в-третьих, незнакомый мистралиец, который хлестал тебя по лицу. Именно хлестал раскрытой ладонью, не бил. Может, он просто пытался привести тебя в чувство? Молодой, приятной наружности, типичный мистралиец – смуглый

черноглазый брюнет. Волосы длинные, растрепанные, черная куртка, белая рубашка, оружия нет. Знаешь, Жак, это похоже на обыкновенную кабацкую драку, не имеющую никакого отношения к твоим кошмарам. И совершенно не обязательно тебя должны убить. А кровь может быть чья угодно. Ты вспомни, как было с Элмаром. Ничего, до сих пор жив и здоров. Так что не стоит так бояться и терзать себе нервы. Нужно просто поосторожнее себя вести и не ходить по кабакам. А еще стоит поговорить с мэтром Истраном. Может, он тебе что-нибудь посоветует. И кстати, действительно, почему ты не заведешь любовницу?

– Смеетесь? У меня их постоянно от четырех до семи.

– Я имею в виду другое. Не мимолетные, ни к чему не обязывающие связи, а что-то серьезное.

– Я люблю Терезу.

– Знаю. Но неужели все еще надеешься достучаться до ее сердца? Это ведь может растянуться на долгие годы. А может и закончиться ничем. Например, она честно скажет тебе, что твои старания бесполезны, вступит в какой-нибудь орден, принесет обет целомудрия...

– Не пугайте, ваше величество. Вы как скажете иногда... Да Тереза до сих пор чувствует отвращение к мужчинам... Ей тяжело... Но она меня любит... как бы это сказать... в общем, как умеет.

– То есть по-христиански? Как ближнего? – невесело усмехнулся король.

– Нет, сильнее. Но пока как-то платонически. Не получается у нее больше. А касательно обета целомудрия, то коллеги-целители, которые мистики, растолковали ей популярно, что для нее это не имеет смысла. Давая обет, человек отрекается от чего-то, что ему нужно, а в ее случае это будет что-то вроде «на тебе, боже, что мне негоже». Пустой обет получится, если отречься от того, что самой противно.

– Понятно. И долго это у вас тянется? Года полтора по-моему. А прогресс есть?

– Есть.

– Ваше величество! – неожиданно раздалось откуда-то из-под потолка. – Какие будут указания?

Жак вскрикнул от неожиданности.

– Это мэтр Истран, – успокоил его король и распорядился: – Мэтр, еще пять минут, и пусть за мной кто-то явится. А вы займитесь, пожалуйста, нашей гостьей. Жак не придет, он плохо себя чувствует, а Элмар не особенно хорошо разбирается в таких делах.

– Моя помощь вам с Жаком не нужна? – тут же спросил маг.

– Не срочно. Вполне подождет до завтра.

– Хорошо. – И голос под потолком смолк.

– Жак, нервы у тебя никуда не годятся, – укоризненно сказал король. – До чего ты себя довел? Следовало обратиться к кому-нибудь сразу, как только это началось.

– Как-то неудобно было... – развел руками шут.

– Неудобно дракона трахать – хвост мешает, – сердито ответил король и спрятал трубку в карман. – Что ж, пойду, подумаю, как оградить тебя от домогательств потенциальных королев.

– Очень просто, – посоветовал Жак. – Женитесь наконец, и они от нас сами отстанут.

– Сам женись, – огрызнулся король. – Как вы меня достали! Тебе-то какое дело?

– А вы разве не знаете? – Жак посмотрел на короля и вздохнул: – Наверное, не знаете. Даже у благовоспитанного господина Флавиуса язык не поворачивается вам доложить.

– О чем?

– При дворе всю болтают, будто я ваш любовник. Оттого вы, дескать, и пренебрегаете женщинами, посещаете своих фавориток раз в две недели для порядка. Только не спрашивайте меня, кто именно болтает – все.

– И тебя это очень огорчает?

– А вас?

– Мне как-то безразлично, – пожал плечами король.

– А вот мне нет. Потому что мне, разумеется, отводят пассивную роль. И кроме того, поскольку все знают, что я женщинами не пренебрегаю, считается, что я вас ублажаю из корысти и подхалимства. Вам было бы приятно, если бы о вас так думали?

– Обо мне думали все, что только может вообразить человеческая фантазия, даже нездоровая. – Его величество слегка помрачнел, видимо вспомнив некоторые шедевры этой самой фантазии. – Так что ж теперь, из кожи вон лезть, чтобы доказать неизвестно кому, что ты не... верблюд, так, кажется, называется это животное? Извини, попытки доказывать что-либо подобное я нахожу ниже своего достоинства. А что касается дурацких слухов, то на этот счет есть одно хорошее правило. Чем больше внимания ты им уделяешь, чем агрессивнее на них реагируешь, тем охотнее люди будут в них верить.

Разговор был прерван требовательным стуком в дверь, и бедный Жак, вместо того чтобы что-то возразить в ответ на слова его величества, снова испуганно вскрикнул, съезжил в своем кресле, посмотрел с некоторой опаской на дверь, затем виновато на Шеллара.

– Жак, так же нельзя, – укоризненно заметил тот, между делом расстегивая верхние крючки своего камзола. – Я понимаю, человек может бояться. Сам не знаю, что это такое, но примерно представляю. Ну ладно, ты боишься того, кто за дверью, и мне понятно твое нежелание ее открывать, но вот зачем при этом издавать такие крики, я понять не могу... Кто там?

– Это я, – откликнулся женский голос. – Жак, открой.

Шут, мгновенно забыв о своих страхах, сорвался с кресла и бросился к двери.

– Тереза? Что случилось? Ты пришла одна, ночью, пешком?

Это действительно была Тереза. И мало того, что она пришла одна и пешком. Она бросилась к Жаку, и они обнялись, что повергло в изумление его величество, которого трудно было чем-либо удивить. А Тереза, даже не обратив на него внимания, взволнованно объяснила:

– Я не знаю... Я сидела, занималась... И тут меня словно подбросило... Я почувствовала, что с тобой что-то случилось... Знаешь, с некоторых пор я чувствую такие вещи... Не знаю почему... мистики говорят, что...

– Здравствуйте, – сказал наконец Шеллар.

Только тут девушка его заметила и опомнилась. К счастью, на этот раз она была настолько удивлена, увидев короля среди ночи в доме Жака, что забыла испугаться.

– Ой... Добрый вечер, ваше величество... – Девушка сделала полагающийся реверанс и недоуменно перевела взгляд на Жака: – Что все это значит?

– Ничего-ничего, – поспешил успокоить ее король. – Я сейчас удалюсь и не буду вам мешать. Поговорите, разберитесь...

Жак пододвинул девушке кресло, в задумчивости прошелся по комнате и вдруг спросил:

– Ваше величество, вы не будете возражать, если я расскажу Терезе все?

– Все – это что именно?

– Все. Что со мной происходит, причины всего этого, чего я боюсь, кто я такой и почему меня среди ночи можно застать распивающим самогон в обществе короля... В конце концов, мы с ней не чужие, и она имеет право на откровенность с моей стороны.

Король пожал плечами:

– Это твоя тайна. Не моя. Ты постоянно трясешься и боишься, не я. В случае чего мне грозит только продолжительный период скорби по доброму другу, а тебе такая необдуманная откровенность может стоить жизни. Если ты уверен, что тайна будет сохранена...

– Можете не сомневаться, – серьезно пообещала Тереза, которая конечно же не желала Жаку неприятностей подобного масштаба и в отличие от него не страдала особой болтливостью.

– Тогда я пойду оденусь, – сказал Жак и направился в спальню.

Всяко оно, конечно, бывает, но чтобы так... Чтобы из смертельных объятий маньяка в одну секунду прямиком в какой-то там дворец?! Это уже, знаете ли, психушкой отдает. Только что тебя держали за горло и заносили над тобой нож, и вдруг – незнакомая комната, освещенная неестественным желтоватым светом, вместо таинственного злодея незнакомый мальчишка, который сидит напротив и крепко держит тебя за руки, так что вырваться получается только со второго раза, да и то потому, что он сам испугался. Не надо было, конечно, на него с доисторическим мослом кидаться, может, он и не хотел ничего плохого, но с перепугу же не думаешь, что делаешь. Только когда бедный пацан в панике слинял с такой скоростью, словно испарился, до Ольги вдруг дошло, что уши-то у парнишки... того...

Тут-то и посетила мысль насчет психушки. Не иначе у нее все-таки сорвало крышу от испуга из-за свидания с маньяком... хотя стоп, если это правда был тот маньяк, о котором говорят, фиг бы она жива осталась, а раз крышу сорвало, значит, все-таки жива. Может, это и не маньяк был вовсе, а так, шпана местная подшутить решила? Нет, так не пойдет, одернула она себя, от таких размышлений последние остатки мозгов перекосит. Надо спокойно сесть, оглядеться и разобраться, что к чему... Может, ее просто похитили? Непонятно, конечно, зачем: у родителей ни денег, ни вообще ничего ценного, а версия насчет торговли живым товаром не выдерживает никакой критики. Разве что не разглядели в темноте, какая она красавица, или с кем-то перепутали... Да ну, ерунда какая, кому она на фиг нужна, хватать ее на улице, как будто мало на свете девчонок, которых и хватать не надо, сами согласны... Только что же все-таки значит это непонятное перемещение, и сколько прошло времени, и где она, в конце концов, находится?... Надо попробовать отсюда выйти и посмотреть, что там, за дверью. Или просто подождать, рано или поздно кто-то сюда войдет. Если люди в белых халатах, то все нормально. А если... э-э... а кто, собственно, еще может сюда войти? Опять парнишка с ушами? Или еще покруче кто-то?

Когда же это «кто-то» все-таки вошло, Ольга тихо обомлела и подумала, что, наверное, те уши ей не почудились. Если тут обитают такие вот Добрыни Никитичи, то это точно сказка. Такие только в сказках бывают. А сказка место такое, в нем и ушам всяким... место найдется... нет, бывают же такие мужики на свете! Два метра с гаком, плечи – во, старичок Шварц отдыхает, а глаза, мама моя родная, какие глаза, синие, как небо, посмотришь в них – и голова кружится, словно с обрыва в пропасть глянула... Принц, говорит. Понятное дело, раз сказка, в ней и должен быть принц. Непременно прекрасный. И на белом коне. Правда, костюмчик маленько подкачал, не тянет на классику – кожаная куртка без всяких тебе брабантских кружев; шляпа, которой господа мушкетеры обычно подметают пол, отсутствует, вместо нее обычный ремешок-хайратник, светло-русые, почти белые волосы принца смотрятся с этим ремешком как-то совсем по-славянски. А лицо у него... посмотришь на него, и веришь человеку. Как в романах пишут: «открытое и благородное». Нет, действительно, что-то такое в этом принце есть. Благородное. То ли в лице, то ли во взгляде... Потрясающий мужик! Настолько потрясающий, что нечего на него и заглядываться. Ну, где вы видели, чтобы такие вот шикарные мужики ничейными оставались и ждали – а не появится ли в один прекрасный день этакая принцесса из славного районного центра Большие Кульбабы, сутулая, косолапая, непричесанная и ненакрашенная, в грязных ботинках и помятом свитере?... Смешно.

– Значит, если я вас поняла правильно, дело обстоит так, – деловито подвела итог Ольга. – Я переместилась между мирами, потому что в следующие несколько секунд меня должны были убить. Верно? Переместиться можно двумя путями: поменяться с умирающим магом или попасться в руки вашему вредному братцу. Я так поняла, что тот пацан, которого я приняла за маньяка и приложила вот этим мослом, и есть ваш брат? А куда он исчез?

– Да, это был мой брат. Он телепортировался, – пояснил принц-бастард. – Испугался и убежал, проще говоря.

– И вы все так умеете? – заинтересовалась Ольга. – А я так смогу?

– Нет, – улыбнулся Элмар. – Так умеют только маги. Я, например, не умею. И вы вряд ли сумеете. Люди вашего мира крайне редко обладают способностями к магии.

Элмар наблюдал за переселенкой с жадным любопытством. Несомненно, девица не была воительницей и сроду не держала в руках оружия, но характер у нее был самый подходящий. Свойский такой характер. Никаких тебе обмороков и прочих соплей, здоровое любопытство и полная готовность к адаптации. И говорок у нее забавный. Как у Жака.

– А почему вы говорите по-русски? – спросила Ольга. – От нас, переселенцев, научились?

– О, нет. Это вы говорите по-ортански. Объяснить этот лингвистический феномен до сих пор никто не смог. Все переселенцы говорят на том языке, который слышали первым, он им и кажется родным. Тереза считает, что мы все говорим по-французски. Господин Хаббард утверждает, что по-английски. Для вас – по-русски.

– А сами переселенцы между собой как говорят?

– Разумеется, только по-ортански.

– И все равно им кажется, что на родном?

– Да.

– А если они до этого знали несколько языков?

– В этом вопросе я, пожалуй, не смогу вам помочь. Лучше спросить мэтра Истрана, нашего придворного мага или короля, если он пожелает с вами пообщаться.

– Король? – девушка зарделась. – А это обязательно, с ним общаться?

– А что вас смущает?

– Знаете, я как-то боюсь общаться с такими большими шишками... Стесняюсь, и вообще... Никогда не знаешь, на какой кобыле к ним подъехать, чтобы, не дай бог, не разобиделись. Недостаточно низко поклониться, навеки виноват останешься... Эти великие начальники... Не люблю я их. И боюсь.

Элмар снова улыбнулся, представив про себя, что бы сказал Шеллар, услышав такое мнение о себе.

– Общаться с королем не обязательно, – сказал он. – Но это уж как он сам решит... А вот и мэтр Истран, наш придворный маг, прошу знакомиться. Это Ольга.

– Очень приятно! – Девушка, вскочила с места, но замялась. – Ой, простите, а как у вас принято... приветствовать?

– Почти так же, как и у вас, – спокойно пояснил мэтр и присел на край кровати. – Правила этикета вам потом объяснит Элмар. Как-нибудь на досуге.

– Я? – удивился Элмар. – Почему? Разве не Жак этим занимается? И не вы?

– Жак плохо себя чувствует и в ближайшие дни работать не сможет. Его величество решил, что этим следует заняться вам. Он считает, что вы страдаете от безделья и необременительная работа на благо короны будет вам полезна.

– Спасибо, дорогой кузен! – ядовито произнес Элмар. – Как это мило с его стороны – позаботиться, чтобы я не страдал от безделья!

– Вот и скажите об этом его величеству, – невозмутимо посоветовал маг. – Он ожидает вас в своем кабинете, чтобы дать некоторые инструкции. А я пока побеседую с девушкой.

Недовольный Элмар удалился, а мэтр Истран не спеша прошелся по комнате.

– Я буду задавать вам вопросы, – сказал он, устанавливая на тумбочке у кресел голубой кристалл и производя над ним какие-то манипуляции, – а вы должны отвечать по возможности кратко и, разумеется, честно. Это частично сбор информации, частично тест, а частично просто знакомство. Итак, в какой стране и в какое время вы жили в вашем мире?

– Конец двадцатого века, Украина.

– Ваш родной язык?

– У меня их два. Здесь я говорю по-русски.

- Ваш род занятий и общественное положение?
- Студентка. Почти закончила филологический факультет университета, еще не работала. Общественное положение... Я не знаю, как вам объяснить, у нас немного не такое общество...
- Хорошо, расскажите, чем занимаются ваши родители.
- Папа инженер, мама учительница. Вы знаете, что такое инженер, или надо объяснить?
- Не надо. Вы принадлежите к какой-либо религии?
- Вообще-то я православная христианка, но я не особенно верующая. Можно сказать даже, совсем не верующая.
- У вас есть какие-либо увлечения?
- Музыка, литература, компьютерные игры. Немного занималась спортом, но не всерьез и у меня не получалось и пришлось оставить...
- Каким именно?
- Восточными единоборствами и стрельбой.
- Замечали ли вы за собой какие-либо магические способности?
- Никаких.
- Что вы еще умеете, кроме филологии?
- Толком ничего.
- Взгляните вот сюда...

Глава 2

Пьяный русский хакер практически непобедим.
Народная мудрость

Входи, Тереза. Не стесняйся, заходи, садись вот сюда, в кресло. Ты раньше никогда не была в моем кабинете, я сюда никого не пускаю. Теперь можешь посмотреть. Я все равно тебе все расскажу. Мне тяжело хранить от тебя какие-то тайны. Это не потому, что я напился, просто давно хотел тебе рассказать, но нужно было спросить разрешения у короля. Я, пожалуй, выпью еще, чтобы легче было рассказывать. Потому что говорить о том, что я собираюсь, очень трудно. И тяжело. Я даже не знаю, с чего начать... Это? А, не обращай внимания, это мой самогонный аппарат, в нем нет ничего интересного... Пожалуй, я начну с того, что меня зовут совсем не так и я вовсе не местный житель. Я тоже переселенец, только переместился другим способом. Как это случилось? Так же, как со всеми. Я умер. В своем мире я был крутым ломовиком и классным бродягой, Жака знала вся мегасеть. Здесь это мое имя. Там это было прозвищем. Есть один литературный герой... ты о нем не читала, он появился через сто лет после тебя. Да, мы с тобой из одного мира, только я жил намного позже. Почти на триста лет. Не перебивай, а то я собоюсь... Так вот, я был крутым ломовиком. Меня все знали. И однажды ко мне обратились какие-то лысые с заказом ломануть банк других таких же лысых. Я сначала отказался, что я, камикадзе, у лысых банки ломать, там, во-первых, такая колючка, что шансов просочиться практически никаких, надо неделю изучать и только потом садиться и самому писать резку. А во-вторых, не приведи господи, кто-то кому-то где-то стукнет, что это я, меня же убьют в тот же день. Как говорит наш король, не успею «мяу» сказать. Лысым мой отказ не понравился, и они мне стали подробно рассказывать, где работает моя мать, в какой школе учится моя сестренка и что с ними может случиться, если я откажусь. Ну и что мне оставалось делать? Сунул штекер в socket и пошел... Тебе непонятно? Вряд ли я смогу объяснить понятнее... Ну, а socket... Вот, пощупай здесь, под волосами, за ухом и чуть выше. Это он и есть. В него вставляется нейроштекер от переходной платы, и выходишь в мегасеть... Ладно, не буду я утомлять непонятками. Короче, я сел на колючку. От этого умирают.

Я увидел свет. Ослепительный желтый свет, похожий на маленькое солнце. И почувствовал, как взрывается болью каждая клетка моего мозга. Я, наверное, единственный живой человек, знающий, что такое смерть на колючке, но вряд ли смогу это вразумительно описать... Я еще успел подумать, что я умираю и что вот, дескать, как оно бывает. Я очень ошибся. Как оно бывает, я даже не мог себе представить. А еще я подумал, что это конец. И опять ошибся...

Свет вдруг резко померк, и я ощутил свое тело. Сначала я подумал, что отпал, но такого ни с кем никогда не случалось, считалось, что отпасть, когда ты уже на колючке, невозможно в принципе. Даже если вырвать штекер.

Боль в мозгу постепенно стихала. Вокруг было темно. Рядом кто-то сказал:

– Ты посмотри! Он что, переместился? Это был маг?

– Само собой, раз его в ошейнике держали, – сказал другой голос.

– А как же он с ошейником переместился?

– Тут никакой ошейник не поможет. Они перемещаются спонтанно, ни фига не колдуя.

Пошли, шефу доложим.

Я различил тусклый свет и две неясные фигуры, склонившиеся надо мной. Потом огляделся по сторонам и решил, что у меня полетело блюдо. В смысле мультки выбило. Ну с ума сошел, если тебе непонятно. Я слышал сказку про одного испера, которого отрубили от сети,

когда он попал на колючку, после чего он остался полным идиотом. Подумал, что со мной то же самое. Или агония. Предсмертный бред про подземелья с цепями и инквизиторами.

В этот момент меня крепко пнули ногой под ребра и сказали:

– А ну вставай! Пошли к шефу.

Пинок был абсолютно реальный и очень ощутимый.

– А нам от шефа не влетит? – с опаской спросил другой голос.

– Да ты что! Шеф с ума сходит от радости, когда ему приводят новых переселенцев.

Эй, ты что, оглох? Вставай, сказали!

Получить третий пинок мне не хотелось, и я стал подниматься. Теперь я уже не был уверен, что это предсмертный бред. Слишком все было реально. И по мере того как я приходил в себя, становилось все реальнее.

– Где мы? – спросил я на всякий случай.

Они заржали, и я услышал в ответ:

– Добро пожаловать в Кастель Милагро!

Ты, конечно, слышала про Кастель Милагро? По твоим испуганным глазам вижу, что слышала. Да, это в Мистралии. Гестапо? А что это такое? Ах, ты об этом... Я не так силен в истории, но, в принципе, похоже. Только... Ты знаешь историю этого замка? С самого начала? Нет? Мне потом король рассказывал, что когда-то давно там стоял обычный замок и в нем кто-то жил. Потом поселились маги. Чем они занимались, никто толком не знает, но однажды, то ли от чрезмерной жажды знаний, то ли просто по пьянке, они что-то такое отмочили... Два дня вместо замка над землей висела сияющая полусфера, за которой ни хрена не было видно и от которой ночью было светло, как днем. А когда она исчезла, все увидели, что на месте замка возвышается странное уродливое строение кубической формы, похожее на крепость. Туда сразу понаехали всякие маги, ученые, исследовать стали, трактаты кропать, но толком никто не разобрался, что к чему. После того как там с кем-то приключился несчастный случай, здание закрыли для посещений. А потом и вовсе забросили. Вспомнили о нем после первого переворота, как раз когда в Мистралии начался весь этот бардак. Тогда к власти пришел орден Небесных Всадников... Да-да, тех самых, совершенно верно. В Мистралии тоже все началось именно с них. Так вот, они расчистили помещения, оборудование распахали по кладовкам, и получилась довольно приличная тюрьма. Собственно, это и была тюрьма. Лет сто назад такие строили. Очень надежные и добротные, с такими системами защиты, что хрен сбежишь. Их потом запретили как негуманные... Оказалось, что она просто переместилась. Как люди перемещаются.

После второго переворота, когда Всадников свергла Партия Народного Освобождения, тюрьма стала следственной. Как раз тогда и появился загадочный человек по имени Блай, который предложил свои услуги по усовершенствованию и реконструкции Кастель Милагро. Тогда же началась массовая охота на переселенцев, которых тащили со всей страны, чтобы максимально использовать их знания на благо государства. Но переселенцев в те времена было крайне мало. Маги умирают не так часто, и далеко не у каждого получается переместиться. После третьего переворота, когда Партия Освобождения пала под натиском Лиги Закона и Порядка, дело пошло живее. Лига учинила массовые расправы над магами, и число переселенцев соответственно возросло. Оно и понятно, как верно заметил когда-то король, первое, что сделали бы мистики, придя к власти, – перебили бы магов. У нас в средние века, если задуматься, то же самое было. Так вот, Блай, который благополучно пережил переворот и даже вырос до полковника, отловил среди переселенцев несколько ценных кадров с техническим образованием. Они отремонтировали и пустили в действие автономный генератор, восстановили охранную систему, наладили центр управления. С тех пор и пошла о Кастель Милагро слава совершенной тюрьмы, из которой не сбегают. Да, совсем. Ты, наверно не представляешь себе, что такое качественная охранная система при достаточном уровне технологии?

Заклученному путем интубации через трахею вставляется специальная микрокапсула безопасности, после чего с ним можно делать что хочешь, он уже никуда не денется. При помощи дистанционного детонатора можно человека парализовать, можно заставить его корчиться от боли, можно убить всего одним нажатием кнопки. А при пересечении периметра капсула срабатывает автоматически. Собственно, из-за всего этого их потом и запретили... Так вот, о чем я? Предпоследняя, четвертая революция, когда с Лигой успешно покончил Союз Прогрессивных Сил, сначала обещала быть последней, но среди лидеров произошел раскол. Более оборотистая половина договорилась все с тем же полковником и его службой, в результате чего конкуренты оказались в подвалах Кастель Милагро. Живым оттуда вышел только легендарный Мануэль дель Фуэго, да и то, мягко говоря, не целиком, после чего никто о нем не слышал. За несколько лет Союз развалил все, что смог, оказалось, что управлять страной не так просто. Пять с лишним лет назад последний переворот привел к власти Объединение Всеобщего Благоденствия. Оно начало с того, что объявило о своей демократичной политике, после чего народ возрадовался и самые наивные эмигранты бросились на родину, а самые доверчивые борцы за свободу вышли из подполья. Некоторое время страна ликовала и пела песни, а потом благоденствие закончилось и власть стала закручивать гайки. Тут-то и оказалось, что неистребимый Блай никуда не делся, а, напротив, вырос до ранга особого советника. Когда правительство принялось наводить жесткий порядок и давить оппозицию, Кастель Милагро снова пригодился и расцвел с новой силой. Открытой оставалась лишь проблема оборудования. Из ценных кадров последнего улова к тому времени один погиб при попытке к бегству, другой покончил с собой, а двое спились. Тогда-то и появился я, что оказалось очень кстати. Сначала мне, ничего не объясняя, засадили капсулу безопасности, затем выдали униформу. А у меня была классная стильная футболка, подаренная соседом, из настоящего хлопка, под двадцатый век. Чудный был сосед, ископаемый экземпляр, классический хиппи... В ваше время их еще не было? А, ну бог с ним. Я к тому, что он был задвинутый на истории движения хиппи и про этот двадцатый век мог трандеть хоть до посинения. Ну и покрывашки у него были соответственные... ну в смысле прикиды. Одежда. А еще он на траве сидел... ладно, про соседа я в другой раз расскажу.

Суть в том, что из-за этой стильной футболки меня приняли за переселенца из двадцатого века. Он, конечно, умный и хитрый сукин сын, этот советник Блай, но в этом прокололся. А я... я его как увидел... Глаза у него такие... Не знаю почему, но страшно в них смотреть. И я задницей почувствовал, что надо врать. И стал врать. Насколько смог достоверно. Все, что мне сосед трандел по укурке, мигом вспомнил. По счастью, никто не додумался, когда меня обыскивали, пошарить под волосами за ухом. Даже не заметили, что в соquete штекер остался... Советник Блай мне подробно объяснил, что такое перемещение и как оно случается, а также куда я попал и что от меня требуется. Сама понимаешь, что им от нас, переселенцев, требовалось. Технологии. И как я ни врал, что ни в чем не разбираюсь, мне резонно заметили, что человек, выросший в конце двадцатого века, не может не знать ничего об электронных приборах и огнестрельном оружии. От оружия мне удалось отвертеться, заявив, что я пацифист и даже не служил в армии... Правда, конечно, разве не похоже? А насчет приборов... Как их делать, я, понятно, не специалист, а если разобрать и посмотреть... В общем, определили меня ковыряться в приборах – их там целый склад напихано было, – выделили каморку жить и мастерскую работать и объяснили про охранную систему. Тут я во второй раз подумал, что пришел мне полный демонтаж. И опять ошибся...

– Чего ты кипятишься? – спокойно поинтересовался его величество, наблюдая в огромном зеркале за ходом опроса и тестов, которые проводил мэтр Истран. – Обьест тебя эта девочка, что ли?

– Не в этом дело! – раздраженно отозвался Элмар. – Почему это ты решил, что я страдаю от безделья и что ты можешь так запросто распоряжаться моим временем, моим домом, моей жизнью?

– Знаю, что ты не страдаешь, – усмехнулся король. – Безделье доставляет тебе удовольствие. Но нельзя же быть таким лодырем. Да и не так часто я обращаюсь к тебе с просьбами. Жак некоторое время не сможет принимать в своем доме гостей. У него проблемы. Не оставлять же ее во дворце? Тебе что, трудно?

– Не знаю... Как-то все это неожиданно... А больше никуда нельзя ее пристроить?

– Нельзя. Потом, когда адаптируется, пожалуйста. Может, когда Жак решит свои проблемы, и переселим к нему. А пока – займись. Чем она тебе не нравится?

– А что я скажу Азиль?

– Правду. Неужели ты думаешь, что Азиль станет ревновать?

– Нет, но... ты же знаешь, моя Азиль не особенно ладит с другими женщинами... А если они начнут ссориться? Ты хотел бы жить под одной крышей с двумя враждующими бабами?

– Я с полным на то правом мог бы заявить, что в настоящий момент живу с шестью, но не буду ловить тебя на слове. Если начнут, тогда и будем думать. В конце концов, я твой король и могу тебе приказать, закончив таким образом этот глупый спор. А я тебя уговариваю, как маленького.

– Как скажете, ваше величество, – надулся Элмар. – Еще приказания будут или я могу идти?

– Не обижайся. Тебе надо как-то участвовать в жизни королевства. Ты же мой наследник. А то ты что в политике, что в финансах – полный невежда. Поработай хоть с переселенцами для начала, посмотри, как мы это делаем.

– А потом ты начнешь подпрягать меня к политике и финансам? Не дожدهшься! Лучше женись, заведи себе нормального наследника и тогда учи его чему хочешь и как хочешь.

– Если приведешь мне хоть одну приемлемую причину, почему не хочешь выполнить мою просьбу, я от тебя отстану. Если же просто капризничаешь, будь добр...

Элмар долго думал, но приемлемой причины не нашел.

– Ладно, – проворчал он. – И что мне с ней делать?

– То же, что ты делал только что. Беседовать. Водить гулять. Познакомь с Азиль, пусть она ее куда-нибудь поведет... по лавкам или куда там женщины ходят развлекаться. Я ей выдам из казны тысячу золотых на обзаведение хозяйством, а потом работу подыщем. И не ной, пожалуйста. Она весьма приятная девочка. Не красавица, конечно, но тебе же с ней не спать, а работать. Кстати, твое мнение?

– О ней? Не знаю. Я не специалист по переселенцам. Жак лучше разбирается, вот у него и спросишь.

– Я тебя не как специалиста спрашиваю, а просто по-человечески.

– Шеллар, я ее боюсь. Мне кажется, я ей нравлюсь. Может, она, конечно, и не дура, но если начнет со мной заигрывать...

– Значит, будет дурой, – засмеялся король. – Не пугайся заранее. Просто дай понять, что ты несвободен. Познакомь со своими приятелями. Ты всем нравишься, это еще ни о чем не говорит. Почему она обязательно должна с тобой заигрывать?

– Ох, подерутся они с Азиль... – вздохнул Элмар.

– Ты у нас парень не слабенький, растащишь. А еще что можешь сказать?

– Еще?... Еще мне понравилось, что она не стала падать в обморок и устраивать истерику, что было бы вполне естественно в ее положении. Сначала ее чуть не убили, а потом она вдруг оказалась в другом мире, представь себе, что ты... впрочем, нет, можешь не представлять, ты неудачный пример... Представь на ее месте любую из своих придворных дам. Хоть бы графиню Монкар.

– Да уж... – проворчал король, вспомнив разговор с шутом. – Эта мигом упала бы в обморок, но не куда попало, а точно тебе на руки. И не слезла бы потом. А узнав, что ты принц, вцепилась бы в тебя вампирьей хваткой. Так что, видишь, тебе досталась милая девушка. А ты еще ноешь.

– Милая? Не сказал бы. Ты видел, как она Мафея приложила по лбу?

– Элмар, девушку только что убивали, и вполне естественно, что она попыталась защищаться. А Мафею так и надо, иначе он так ничего и не поймет, сколько ему ни объясняй. Да, чуть не забыл. Не распространяйся ей обо мне. Я собираюсь с ней пообщаться, но не как король, а как частное лицо. Раз уж она нас, больших начальников, не любит и боится. Я приду к тебе в гости через неделю-другую, представишь меня каким-нибудь кузеном из Лондры. И насчет иностранных языков. Потрудись, чтобы она услышала вторым – голдианский, третьим – мистралийский, если есть четвертый – пусть будет лондрийский. Ты знаешь хоть по паре слов на каждом?

– По паре – знаю.

– Прямо сейчас и заговори с ней на каждом. А то она где-нибудь на улице что-нибудь услышит и заговорит на каком-нибудь варварском наречии.

– Понял, – вздохнул Элмар. – И как это ты меня уговорил?

– С трудом, – серьезно ответил король. – Иди, мой первый паладин, совершай подвиг во славу короны.

– Тханкварра... – проворчал Элмар и взялся за ручку двери.

– И не вздумай при ней ругаться по-варварски! – крикнул король ему вслед.

Ты знаешь, Тереза, я не могу долго пребывать в отчаянии по какому бы то ни было поводу. Так случилось и в тот раз. Я немного оклемался и стал думать. Положение было почти безвыходным, но только почти. Можно было попробовать хоть что-нибудь сделать. Если детонаторы существуют, значит, они где-то лежат. Раз они где-то лежат, значит, их можно достать. Раз периметр где-то включили, значит, там же его и выключают. Центр управления размещался на том же этаже, что и остальная техслужба – жилые боксы, мастерские и склад. На двери был примитивный электронный замок, таких уже сто лет не делают, их любой нулевичок сломает. Если, конечно, имеет представление об антиквариате. Я загорелся идеей и весь день мастерил себе отмычку, вместо того чтобы заниматься работой. А на следующий день пришел советник и стал интересоваться, как у меня успехи. А успехов у меня, сама понимаешь... Тот прибор, что мне дали на изучение, я даже не смотрел толком, только корпус снял. Перепугался я тогда, мама моя родная! Мямлю не пойми что, руки-ноги трясутся, думаю, как найдут сейчас мою отмычку, и прощай, бродяга... Но советник про отмычку не догадался, решил, что это я от работы отлыниваю, и устроил мне показательную экскурсию. Наш уровень был первым, в самом нижнем подвале, а над нами помещался этаж... Он так скромно назывался «отдел дознания». Ну, ты поняла. Я не буду тебе рассказывать подробно, но ваше гестапо вряд ли может потягаться с подвалами Кастель Милагро... Средние века все-таки... Думаешь, без разницы?

Ну, не буду спорить, я уже говорил, что не силен в истории. Ты знаешь, что я не переносу вида крови, покойников и всего такого. Я в ваш анатомический театр и то заходить не могу. А этот гад провел меня по всему этажу... Я там и отворачивался, и блевал, и в обморок падал... А он не успокоился, пока не показал все. После чего ласково так сказал, что я, дескать, должен понять, в каком трудном положении находится моя новая родина и как остро она нуждается в моих услугах. Затем попросил стражу проводить меня на свой этаж. После этой экскурсии я три дня не мог есть, а ночами мне снились кошмары. Я бросил все свои замыслы и принялся серьезно ковыряться в приборе, опасаясь, что без моих бесценных услуг моя новая родина еще решит, что я ей вовсе не нужен, и отправит в бокс номер тринадцать. Он так назывался.

Там стояла печка для сжигания трупов... Нет, не как в фашистских лагерях, совсем маленькая, на одного человека. Почему человека? Потому, что их не всегда предварительно убивали. Пихали и живьем. Согласен, и не просто фашисты, еще хуже.

Через несколько дней я немного оклемался и пробрался все-таки ночью в центр управления. Просто посмотреть, что там. И чуть не врезал дуба от счастья. Там стояла совершенно рабочая Т-кабина, только ею никто не пользовался. Не разобрались, наверно, как она подключается. А еще там был антикварный комп, вполне совместимый с этой кабиной. Видно было, что с ним работал полный лох – там был разъем на перчатку, а кто-то самопальный под клавишу приспособил... И, что удачно, переходная плата оказалась встроенной, удивительно, как ее не выкинули за ненадобностью. Оставалось только найти шнур, а штекер у меня был. В общем, повезло мне несказанно, вот и все. Я бы с этой клавишей колупался до второго пришествия, я же не антиквар какой, а нормальный ломовик. Обрадовался я тихонько и ушел. Шнур искать и прибор свой ковырять. Хотя какой там прибор, обычная кухонная хлебoreзка, только большая, для столовой, наверно... С этой хлебoreзкой я и встрял.

Я тебе и это расскажу, раз уж решил все рассказывать.

Видно, господину советнику понравилось, как я падаю в обморок. Или он решил надо мной поиздеваться. Или эксперимент поставить. А может, и то и другое. Этаким психолог. Исследователь-садист. Поставить человека в критическую ситуацию и посмотреть, как он будет себя вести. Понаблюдать, сделать выводы, получить удовольствие от того, как бедняга корячится, изыскивая выход, которого нет... Я как-то путано объясняю, тот мужик, что мне потом про него объяснял, говорил намного складнее... Я просто хочу сказать, что то, что он со мной сделал, никому не нужно было, разве только ему для собственного извращенного удовольствия – втоптать человека в грязь и рассматривать под микроскопом, как он дергается.

Пришел он ко мне посмотреть, как я работаю. Показал я ему эту хлебoreзку, объяснил, что это такое. Объясняю, а у самого голос дрожит и руки трясутся. Он смотрит на меня так изучающе, и видно, что ему это нравится до чертиков. А потом вдруг спрашивает:

– Леша, а почему ты так меня боишься?

Леша – это я так ему представился. Меня на самом деле так зовут. А прозвище я ему не назвал. Перестраховался, слишком уж оно было известно у нас.

– Не знаю, – ответил я, а у самого сердце в пятках. Думаю, все, засекли меня, когда я в центр ходил. Или увидели, что замок вскрывался. – А что, это так странно?

– Ничуть. Меня все боятся. Ну почти. Мануэль дель Фуэго, например, не боялся, хотя это ему мало чем помогло. Но вот что странно, попал сюда недавно один мой старый знакомый... Всего несколько лун назад мы с ним беседовали о сотрудничестве, и он меня боялся, почти как ты. А теперь, после того как он посидел в лагере и сбежал оттуда, он меня бояться перестал. С чего бы это?

– Наверно, ему так в этом лагере досталось, что вы уже не страшны, – предположил я, радуясь, что дело не в замке.

– Совершенно зря он так думает... – рассеянно заметил советник и посмотрел на мою хлебoreзку. – Она работает?

– Работает, – сказал я. – Если она вам нужна, забирайте. А я могу еще что-нибудь посмотреть. Что скажете.

Он заулыбался. Улыбка у него была, как у крокодила.

– Тебе не понравилось на втором этаже?

– Пожалуйста, – попросил я, – если вам что-то еще нужно, скажите сразу, я пойму. Только не водите меня больше на второй этаж. Не могу я на это смотреть. Мне плохо становится.

Тянули меня за язык! Не мог промолчать, трепло...

– Так ты у нас великий гуманист? – заинтересовался он. – Дети, цветы, любовь, а не война, все такое? Ну-ну. Интересно.

И ушел. Минут через двадцать вернулся. А вслед за ним два стражника и палач волокли какого-то парня, избитого так, что на нем живого места не было. Подтолкнули его к столу, одну руку завернули за спину, а вторую сунули в эту долбаную хлебобрезку. А господин советник обернулся ко мне, подтолкнул меня поближе и скомандовал:

– Теперь включай.

По-моему, со мной случилась истерика. Я ревел, как девчонка, и говорил, что я не могу, что ему же руку отрежет, что, если господину советнику нравится калечить заключенных, так у него для этого есть палачи, и при чем тут я, и зачем в моей мастерской...

Он улыбнулся своей крокодильей улыбочкой, достал пистолет, приставил к моей голове и повторил:

– Включай.

Парень поднял голову и посмотрел на меня. И такой ужас у него в глазах был, какая-то обреченность, готовность умереть. Самого парня я запомнить не смог, и теперь не узнал бы, если бы увидел. Помню только эти глаза и татуировку на плече. Красивая, редкого качества, настоящая хинская. Цветной дракон. Да-да, ты наверняка про него слышала. Это был он. Только тогда я этого не знал... Не помню, сколько мы так смотрели друг другу в глаза, наверное несколько секунд, не больше. Я ждал выстрела. Он ждал, что я нажму кнопку. Потом господин советник щелкнул затвором и напомним:

– Ты не настолько ценный кадр, чтобы тобой дорожить. Не думай, что я тебя не убью. От тебя толку никакого, а так, по крайней мере, будет весело. Считаю до трех.

– Шеф, не надо! – вдруг сказал палач. – Лучше отдайте его мне.

Я тогда не понял, к чему это. А Блай прикрикнул на своего подчиненного и снова обернулся ко мне:

– Считаю до трех...

Можешь меня презирать. Наверно, меня и следует презирать. Я трус. Я достоин презрения. И совсем недостойн того, чтобы ты меня жалела и утирала мне слезы. Ты просто добрая девушка, вот и жалеешь кого ни попадя... Нет, расскажу до конца. Только налей мне, пожалуйста, вон из той бутылки... спасибо.

Король мне потом не раз говорил, что я дурак, что надо подходить к вопросу логически, что этот парень все равно не дожил бы до конца недели, а меня и в самом деле могли убить... Что он на моем месте поступил бы точно так же, причем не дожидаясь, пока ему сунут ствол под нос... Не знаю. Может, он и прав по-своему. Но мне глаза того парня до сих пор снятся. Я вижу, как нож хлебобрезки крошит его пальцы, потом кисть и как это все по кускам выпадает с другой стороны. Я слышу его крик.

Очнулся я тогда в луже собственной блевотины, помню, что у меня были мокрые штаны...

– Ух, ты! – восхитилась Ольга, восторженно трогая пальчиком серый туман. – Это и есть телепортация? А где мы?

– В моей библиотеке, – объяснил Элмар. – Пойдемте, я покажу вам вашу комнату. Не хочется среди ночи будить слуг. Позвольте ваш мешок.

– Спасибо... – смутилась девушка. – Я сама. Он не тяжелый. Ну, не очень тяжелый...

– А как получилось, что вы переместились вместе с мешком? – полюбопытствовал принц-бастард, пропуская даму в дверь.

– Он был у меня на плечах, – пояснила та. – Я шла с поезда домой. Поэтому была с вещами... Вам что-то непонятно?

– Непонятно, – признался Элмар. – Что такое поезд?

– На нем путешествуют на большие расстояния.

– Вроде почтовой кареты? И вы шли пешком со станции?

– Именно так! – подтвердила Ольга. – Поезд прибывает поздно вечером, было уже темно... И тут этот маньяк гребаный... Ой, извините...

Элмар вспомнил просьбу короля не ругаться по-варварски и усмехнулся.

– Ничего, – сказал он. – По крайней мере, будет проще с вами общаться. А то моя изысканная речь меня уже начинает раздражать.

– Так говорите нормально, – засмеялась девушка. – Зачем же над собой издеваться?

– Проходите, – принц распахнул дверь. – Располагайтесь. Можете умыться вот за этой дверью и ложиться спать.

– Спасибо... А вы тоже пойдете спать?

– Нет, – поспешно ответил Элмар, опасаясь, что сейчас-то все и начнется. – Вы спите, а у меня еще есть дела. Спокойной ночи.

– Но я не хочу спать, – растерялась девушка. – Да и не смогу после такого... А спать обязательно?

– Тогда спускайтесь в библиотеку, – предложил Элмар, понимая, что влип. Надо было сказать, что он тоже пойдет спать. И просто запереть спальню. – Поговорим еще. Вы не голодны?

– Нет. А... здесь можно курить?

– Вы курите? У вас принято, чтобы женщины курили, или это только ваша особенность?

– У нас это личное дело каждой женщины. А у вас?

– У нас... – Элмар слегка задумался. – Видите ли, у нас не каждая женщина может себе позволить... э-э... вести себя так, как она считает нужным. Курят, в частности, воительницы, волшебницы и... э-э...

– И шлюхи, – закончила за него Ольга. – Правильно? Но вы же не решите, что я шлюха, если я закурю?

– Ни в коем случае! – спохватился принц-бастард. – Я хотел сказать, «и барды», про шлюх я как-то забыл... И сказал только затем, чтобы предупредить, что вам не стоит делать этого в общественных местах. Ладно, если вас примут за шлюху, но могут и за воительницу, что гораздо опаснее.

– Чем?

– Например, вас могут вызвать на поединок, – пояснил Элмар. – Я ожидаю вас в библиотеке, приходите, когда будете готовы.

Домашний наряд гостя показался Элмару еще забавнее дорожного костюма. Бесформенные шаровары, похожие на костюмы жителей пустынь, были еще ничего. Пушистые тапочки в виде зайчиков могли бы, наверное, вызвать истерический смех даже у непробиваемого короля Шеллара. А тонкая черная рубашечка с короткими рукавами была вообще неопишима. На рубашечке имелся жуткий рисунок, при виде которого любой некромант удавился бы от зависти.

– Я что, так смешно выгляжу? – смутилась Ольга, заметив неудачные попытки Элмара сдержать хохот. – У нас это нормально... Или такая футболка кажется неприличной?

– Нет... – простонал принц-бастард, не выдержав наконец и рассмеявшись от души. – Но ваши тапочки... Они такие забавные... Я таких никогда не видел...

Девушка тоже засмеялась и объяснила:

– Они для того и сделаны, чтобы в них было весело.

Они посмеялись вместе, сначала над тапочками, потом над умирающим от зависти некромантом, которого Элмар весьма живо описал. Потом гостя спросила:

– А у вас и некроманты есть? Прямо так запросто ходят и колдуют?

– Да нет... – Элмар вспомнил, как об этом высказался однажды Жак, и повторил его слова: – С некромантами у нас примерно такая же ситуация, как у вас с наркотиками.

Это запрещено законом, все знают, что это плохо, но, если надо, можно нанять некроманта чуть ли не на любом углу. Только места надо знать.

– Люди и в Африке люди! – удивилась Ольга. – То, что нельзя, делают охотнее всего.

– Совершенно верно, – согласился Элмар. – Взять хотя бы Мафея. Сколько раз ему говорилось, что опасно тащить из других миров что ни попадя. Доигрался – получил по башке. А мог бы и похуже неприятности иметь.

– Скажите, ваше высочество... Мне показалось, или ваш брат... он... на эльфа похож?

– Он и есть эльф.

– И вы – братья? – удивилась Ольга. – Или это какая-то семейная тайна?

– Да нет, ничего таинственного здесь нет... Если хотите, расскажу вам о своей семье, все равно я должен вам рассказывать о нашем мире, надо же с чего-то начать... Не желаете вина?

– С удовольствием! – обрадовалась девушка.

После первого бокала Элмар попросил не обращаться к нему «ваше высочество», а называть просто по имени. От этого «высочества» несло чем-то отвратительно официальным. Ольга полностью с ним согласилась и сказала, что официалшину тоже не любит, так же как и начальников. За это они выпили по второму, на чем бутылка кончилась, и пришлось лезть в буфет за следующей. Девушка достала пачку своих иномирских сигарет и предложила принцу попробовать. Узнав, что он не курит, тут же озабоченно уточнила, не будет ли она ему мешать.

– Курите, если вам угодно, – засмеялся Элмар. – Мне не мешает дым. С моим дорогим кузеном и не к тому привыкнешь. Я его вообще не помню без трубки... Но начну по порядку. Когда-то у нас была большая и нормальная королевская семья. Мой отец, прежний король Деимар XII, был человек широкой души и очень любил три вещи: оружие, порядок и женщин. Причем две последние постоянно входили между собой в противоречие. Только законных детей у него было пятеро, а таких, как я, вообще никто не считал, потому что матери не приносили их ко двору и не требовали признать. Девочек, например, вообще не принято признавать.... До сих пор достоверно неизвестно, где они и сколько их, но это к делу не относится. Тот факт, что у батюшки всегда были нелады с арифметикой и он постоянно ошибался при счете до тринадцати, общеизвестен...

– Пойдите, пойдите... – растерялась Ольга. – Я чего-то не догоняю, при чем тут арифметика и счет до тринадцати?

– Ах, у вас, наверное, такого выражения нет... Видите ли, противозачаточное заклинание для мужчин имеет силу ровно год, то есть тринадцать лун. И если мужчина по рассеянности забывает срок, когда ему надо сходить к магу и обновить заклинание и вследствие этого попадает в определенные неприятности, то о нем говорят, что он не умеет считать до тринадцати.

– Понятно, – улыбнулась девушка и полюбопытствовала: – А для женщин?

– Для женщин – один цикл. То есть им надо обновлять заклинание ежемесячно. Но я отвлекся... Итак, мой отец был женат трижды. От первой жены у него было два сына – первые наследники Деимар и Интар. От второй – две дочери, Тина и Нона. Они давно замужем, одна в Эгине, другая в Лондре. Это соседние королевства, географическую карту я вам потом покажу. После развода со второй женой...

– А что, у вас короли так просто разводятся? – удивилась Ольга.

– Не так просто, а по серьезным причинам. Если можно, я не буду на этом останавливаться пока. В третий раз отец женился на поморской принцессе Роане. Она была моложе его старших сыновей и неописуемо красива. И у нее был внебрачный ребенок. Маленький эльфийский Мафей.

– У эльфов такие дурацкие имена? – полюбопытствовала Ольга. – В наших сказках у них имена намного благозвучнее.

– Это обычное поморское имя, к эльфам никакого отношения не имеет. Король Поморья, старик Зиновий, страшно гневался не непутевую дочь, но скрыть скандал не удалось. Родился ребенок, ему дали первое попавшееся имя и оставили при матери. После такого скандала у принцессы было мало шансов вообще выйти замуж, так что брак с королем Деимаром был для нее не таким уж несчастьем. Мой батюшка был еще мужик хоть куда, и у них вскоре появился общий ребенок, принц Аллеар. А Мафея король усыновил, мальчик получил титул принца и остался при дворе. Так вот и вышло, что у меня брат – эльф.

– А о себе вы забыли рассказать?

– О себе?.. Я попал ко двору, когда мне было двенадцать. До того жил с народом моей матери, в западных степях. Она была воительницей и воспитывала меня соответственно. Однажды она ни с того ни с сего дала мне коня, оружие, походный мешок и браслет, который отец подарил ей на память, и отправила в Ортан. Уже потом я узнал, что через неделю после моего отъезда на селение напала орда оласков и мое племя перестало существовать. Мать отправила меня, чтобы уберечь от гибели. В семье отца меня приняли с полным безразличием. Он поначалу вроде обрадовался, официально признал меня, распорядился учить и воспитывать как подобает, но на том его забота и закончилась. Не скажу, что отец обращался со мной плохо, скорее наоборот, но родным я его не чувствовал. Старшие братья относились ко мне свысока, как обычно взрослые юноши относятся к соплякам, к тому же я был бастард и неотесанный варвар. Тина была уже взрослая девица, а Нона – непроходимая дура. Зато с кузеном Шелларом мы сразу подружились. Он был большой чудак... Да его и сейчас трудно назвать полностью нормальным, но парень он хороший.

– Это тот, который сейчас король и курит трубку? – уточнила Ольга.

Элмар вспомнил о просьбе кузена и понял, что выполнить ее будет уже практически невозможно.

– Да, – неохотно подтвердил он и снова наполнил бокалы. – Выпьем еще?

Как оказалось, гостя была гораздо хлестать вино не хуже любого королевского паладина. А любопытством не уступала кузену Шеллару.

– Как же вышло, что королем оказался ваш кузен? – поинтересовалась она после очередного тоста.

– Так случилось... – вздохнул Элмар. – Я не очень люблю об этом вспоминать, но раз уж я стал рассказывать... Однажды, года четыре или пять назад, у нас чуть не случился переворот. Орден Небесных Всадников, тханкварра...

– Что-что? – переспросила девушка. – Тхан... как его... Это имя или название?

– Это ругательство, – смутился принц-бастард. – Прошу прощения.

– Да ругайтесь на здоровье! Меня это не шокирует, я и сама умею ругаться. А что это значит?

– Ничего особенного... Это варварское ругательство на языке моего народа, переводу поддается с большим трудом. Так вот, эти Всадники, чтоб им до конца времен некроманты спать не давали, устроили государственный переворот. Меня тогда не было дома, мы с друзьями ездили совершать подвиги. Мафей был наказан за что-то, а Шеллар задержался на работе. Сестры, понятное дело, тогда уже не жили с нами. А все остальные – отец, братья, королева Роана – погибли. Вот так и вышло, что Шеллар стал королем. Я до сих пор благодарю всех богов, какие есть, что он тогда задержался. А еще за то, что покойный отец, составляя список наследников, поставил его впереди меня, а не после.

– А вам так не хочется быть королем?

– Да не приведите боги! Это такая морока... Хоть бы Шеллар скорей женился, а то я постоянно боюсь, как бы с ним чего не случилось. Ну, о своей семье я вроде все рассказал. О чем еще хотите услышать?

– Об эльфах! – немедленно попросила девушка.

Элмар невольно улыбнулся. Жак в свое время тоже настойчиво интересовался именно этим вопросом. Как эти переселенцы любят сказки!

– Эльфы ушли из нашего мира более трехсот лет назад, – сказал принц-бастард. – Так что для нашего поколения они уже небыль, как и для вас. Вот мэтр Истран их еще помнит.

– А как же принц Мафей?

– О, это особый и уникальный случай. Видимо, какой-то эльф случайно забрел в наш мир и встретил девушку, которая ему понравилась. А потом так же незаметно ушел. Я слышал, что Зиновий застал его в спальне дочери и, как любой отец, хотел с ним разобраться по-своему. Эльф тут же исчез и больше не появлялся.

– Нашкодил и смылся? – засмеялась Ольга.

– Именно. Кстати, Мафей унаследовал эту семейную черту характера. Шкодить и пытаться смыться. А поскольку он могущественный маг, можете себе представить масштабы его шалостей. Иногда это бывает просто страшно. Сопливый подросток без малейшего понятия об ответственности – что вообще свойственно эльфам – и огромной магической силой. Однажды, когда он был маленький, с перепугу разнес целое крыло дворца... А эта его «слепая охота»?

– Так вы как-то объясните ему, что ли, – посочувствовала Ольга. – Он вам так когда-нибудь гранату с вырванной чекой достанет и начнет рассматривать, пока она не рванет.

– Не совсем понял ваш пример, но уверяю, мы приводили не менее живописные. Результат налицо. Может, он хоть теперь немного подумает своей ушибленной башкой, прежде чем начинать шкодить... Впрочем, сомневаюсь. О чем бы вы еще хотели узнать?

– А расскажите о ваших подвигах, – попросила девушка.

Принц-бастард помрачнел.

– Пусть вам расскажет кто-то другой. Это будет нескромно с моей стороны, и я не люблю об этом говорить.

– Извините, я не знала, что вы такой скромный герой.

– Я, кажется, не говорил, что я герой, – удивился Элмар.

– Ну как же, раз совершали подвиги, значит, герой.

Логика была железная. Возразить было нечего.

– А часто вы это делаете? – не унималась Ольга. – В смысле, подвиги?

– Я этого уже не делаю, – печально вздохнул Элмар. – Мои подвиги закончились. Чтобы вы лишний раз не спрашивали почему, – а вы ведь обязательно спросите, – объясню. Мои соратники погибли, и наша группа распалась.

– Простите, пожалуйста, я не знала... Не хотела вас огорчить... Давайте тогда о чем-нибудь другом... Вот, например, этот дом. Вы в нем живете? А почему не во дворце?

– Не люблю. Там все слишком... как бы это сказать... напыщенно. А я не привык к придворным церемониям. Я простой степной варвар, воин, прошедший десять лет в походах. Я хочу жить так, как мне нравится, и, к счастью, могу себе это позволить.

– Вы живете один в этом огромном доме?

– Я живу с женщиной, – кратко ответил Элмар, решив, что это самый подходящий момент пресечь возможные заигрывания. Хотя пока гостя ничего подобного себе не позволяла.

– А где она? Спит?

– Ее сейчас нет дома. Я вас завтра... вернее, сегодня утром познакомлю. Мне бы хотелось, чтобы вы подружились.

– А какая она? – тут же спросила любопытная Ольга.

– Очень хорошая. Увидите сами. Вам сколько лет?

– Двадцать один.

– Ей тоже. Ее зовут Азиль.

– Она ваша любовница или что-то больше?

– Что-то больше. Намного больше. Я ее очень люблю и... и очень многим ей обязан.

– А она вас любит?

– Да. Иначе бы не жила со мной.

– А почему вы тогда не поженитесь? Или вам нельзя, потому что она не принцесса?

Элмар вздохнул и налил еще вина. Эта девушка в смешных тапочках была способна, наверное, разговорить и скелет. Даже если он был немым при жизни.

– Мы ждем, пока она созреет для брака. Дело в том, что Азиль – нимфа. Она сама вам расскажет, кто такие нимфы и чем они отличаются от людей. Она в этом лучше разбирается.

– А это у вас в порядке вещей – межрасовые браки или вы просто такой оригинал?

– Когда эльфы жили с людьми, это считалось нормальным, хотя и не очень часто случалось. Сейчас... трудно сказать. Эльфы ушли, а другие расы с людьми не живут. Они устраиваются отдельно, своими общинами. Нимфы вообще большая редкость, особенно чистокровные, как Азиль.

– А как вы познакомились?

– Мы с моими соратниками спасли ее от насильников. Она была танцовщицей в бродячем цирке. Я влюбился в нее сразу. А у вас был... жених или просто мужчина? – Элмар поспешил перевести разговор на другую тему.

Девушка покачала головой:

– Нет. Во-первых, я не особенно нравлюсь мужчинам. Они предпочитают девушек, у которых хоть что-то есть в лифчике. А во-вторых, я их тоже не очень... На печальном опыте своих красивых подруг я поняла, что это не так уж плохо, когда у парней не текут слюнки, как только они меня видят. С ними хорошо посидеть в теплой компании, выпить водки, послушать музыку и интересно пообщаться. А стоит начать более близкие отношения, и они превращаются либо в озабоченных придурков, либо в самодовольных эгоистов. Так что я пришла к выводу, что с мужчинами лучше дружить и не портить хорошие отношения всякими глупостями.

– А разве вам не попадались исключения? – полюбопытствовал Элмар.

– Возможно, но у меня не было возможности проверить.

– Это как?

– Они либо были уже заняты, либо не обращали на меня внимания. А я не могу корячиться как дура и из кожи вон лезть, чтобы их завлечь. По-моему, достаточно взгляда, чтобы дать понять... И если на него не ответили, значит, не стоит дальше напрягаться и выставять себя полной идиоткой. Может, это глупо, но эта извечная игра мне неприятна. Не умею я откровенно кокетничать. Вы извините, что я так неуважительно при вас о мужчинах, но...

– Не стоит, – поспешно перебил ее Элмар, чувствуя в душе неопишное облегчение. – И вообще, давай на «ты». Я сейчас еще бутылку принесу.

Он спустился на кухню за вином, не помня себя от радости. Все его опасения были напрасны, верным оказалось первое впечатление. Ему встретила нормальная подруга, каких он знал множество, с которыми неоднократно состязался в дружеских поединках, пил вино и ходил в битвы. Просто она была из другого мира и поэтому не носила меча. Неожиданное поручение Шеллара уже перестало казаться принцу такой обузой, как поначалу. Все было не так страшно. С такой подругой можно прекрасно проводить время в беседах и распитии напитков, можно даже научить ее стрелять из лука, например... Меч она вряд ли подымет... Одно плохо – с Азиль они не столкнутся. Не подерутся, конечно, с его подругами Азиль никогда не конфликтовала, но и не подругатся.

– У вас довольно демократичное общество, как я смотрю, – сказал Ольга, когда они снова устроились в креслах. – Для средневековья просто удивительно.

– Из чего ты сделала такой вывод? – поинтересовался Элмар.

– Наследный принц собирается жениться на танцовщице из бродячего цирка, и это никого не волнует. Или тебе пришлось выдержать по этому поводу битву?

– Вовсе нет, – засмеялся Элмар. – Ты ошиблась во всем, что только что сказала. Наше общество так же подвержено сословным предрассудкам, как и любое другое. В любом королевском доме был бы грандиозный скандал, который наверняка окончился бы трагедией. Просто мне очень повезло с кузеном-королем. Ему совершенно безразлично социальное положение моей будущей жены. Он... как бы поточнее сказать... у него своеобразный склад ума. Он во всем руководствуется в первую очередь логикой, а уж потом эмоциями. Поскольку наш брак не представляет собой логического противоречия, кузен против него не возражает, а все возражения дворянского собрания – это, по его мнению, голые эмоции, не стоящие того, чтобы к ним прислушиваться. Господа, конечно, пытались возмущаться, но короля не так просто сбить с толку. Он невозмутимо выслушал все претензии, после чего выложил на стол три тома свода законов и пообещал пересмотреть свое мнение, если господа укажут ему точно, где сказано, что принцу нельзя жениться на девице иного сословия. Дворяне до сих пор ищут, поскольку правило неписаное и в законы не внесено. Кроме того, мой кузен порядочный человек. И еще Шеллар меня любит. А что касается битв, то мне их приходится выдерживать регулярно с почтенными отцами девиц на выданье. Они меня часто навещают и проводят со мной беседы. Если честно, меня от них уже тошнит. Скорей бы уже можно было жениться, а то надоело, тханкварра...

– Интересный у вас король, – заметила Ольга. – А такой пофигизм не мешает ему управлять страной?

– «Пофигизм»? Это что?

– Это когда человеку все по фигу. Ну то есть все равно.

– Ах, это... Но он же не во всем такой... пофигист. Надо же, какое слово забавное! Не забыть бы его при случае так обозвать...

– Да ты что! – спохватилась девушка. – Он же на меня обидится!

– А я ему не скажу, что это ты. Так вот, к делам Шеллар относится серьезно и с большим вниманием. Главный казначей вообще его боится до обмороков, потому что если его величеству чем-то не понравился финансовый отчет и он задумал сделать ревизию, то от него, что ни прятать, докопается.

– А король разбирается в бухгалтерии?

– Вообще-то он по образованию юрист. Но когда стал королем, то специально усиленно изучил экономику и финансы. Иначе, как ему кажется, разворуют все, что плохо лежит, не успеешь и «мяу» сказать.

– А у вас что, так сильно воруют?

– Не сильнее, чем где-либо, – засмеялся Элмар. – Просто Шеллар раньше работал в Департаменте Безопасности и Порядка и привык иметь дело с определенной частью населения.

– А зачем он работал? Ты, помнится, говорил об этом – когда было покушение на вашу семью, он был на работе... Разве принцы работают?

– Если хотят, – пожал плечами Элмар. – Первый наследник постоянно должен крутиться около короля и перенимать опыт, а остальные обычно готовятся для того, чтобы занимать важные государственные должности и помогать королю. Если хотят, конечно. Если не хотят, на эти должности можно посадить любого достойного гражданина. Интар, например, занимался финансами. Шеллар – внутренними делами и разведкой. А мне было интереснее совершать подвиги.

– А сейчас?

– Сейчас я, как выразился мой трудолюбивый кузен, бездельничаю и не страдаю от этого. Официально, конечно, я считаюсь первым паладином, но это должность скорее формальная.

Если где-то в королевстве случаются неприятности, с которыми местными силами не справиться, то нас посылают туда наводить порядки.

– В смысле бунты подавлять?

– Последний бунт в нашем королевстве случился во время попытки переворота, да и его подавлять не пришлось. А предпоследний – лет пятнадцать назад у какого-то психически больного помещика, который довел своих крестьян до того, что его всей деревней дружно утопили, после чего мирно разошлись по домам. Так что неприятности у нас другого сорта: баронские междоусобицы, набеги варваров... Бывает, чудовище где-нибудь заведется, а героев поблизости нет. А воевать с обиженными крестьянами паладинов не посылают. На то есть полиция и суд. Или ты думаешь, что у нас тут дремучая нищета и наши крестьяне каждый год бунтуют с голоду? Ошибаешься, они живут вполне прилично. У нас богатая страна, и правительство может себе позволить не драться с населения непомерные налоги.

– Богатая страна – это хорошо... – вздохнула Ольга. – Я жила в стране бедной. Ладно, не будем о грустном. Лучше расскажи мне еще что-нибудь. Вот, например... эти книги. Это твои? Ты любишь читать? Я очень люблю.

– Можешь пользоваться моей библиотекой, – предложил Элмар. – Когда научишься читать.

– Но я умею читать.

– На печатные тексты лингвистический феномен не распространяется. Читать тебе придется учиться заново. Это будет нетрудно, раз ты раньше умела, просто выучишь другой алфавит. Все переселенцы быстро учатся. Но это не сейчас, и вообще, пусть этим занимается Жак, он знает как, у него опыт есть...

– Жак – это кто?

– Королевский шут. Он занимается у нас адаптацией переселенцев помимо основной работы. Он тебе понравится, славный парень и поразительно похож на тебя. У него такая же смешная речь.

– А почему он этим занимается?

– Ему интересно. Да и потом, он обаятельный, люди с ним легко находят общий язык.

– Элмар, а много у вас таких, как я?

– Таких, как ты, практически нет, – засмеялся Элмар. – А вообще переселенцев... Точно не знаю. С Терезой ты, наверное, познакомишься. Есть еще госпожа Гольдберг, почтенная пожилая дама, она работает в Казначействе бухгалтером. Шеллар ее очень ценит. Была еще какая-то крестьянка, но она вышла замуж и уехала в деревню... По-моему, женщин больше нет. Из мужчин я знаю не всех. Ну, во-первых, господин Хаббард. По-моему, он твой современник, может, с разницей в десять – двадцать лет, и большая сволочь, так что будь с ним осторожнее. Во-вторых, Дик. Он сейчас работает вышибалой в «Лунном Драконе». Забавная с ним была история, я тебе как-нибудь расскажу. Потом Марк. Он из каких-то давних времен, хороший мечник, сейчас служит в королевской страже. А о тех, кто не смог адаптироваться, я тебе не буду рассказывать, чтобы зря не пугать.

– Бывает и такое? А как это – не смог адаптироваться?

– Тебе это не грозит. Ты цивилизованный человек, образованная девушка, способная понимать, что кроме твоего взгляда на жизнь бывают и другие. А для примера можно вспомнить одного религиозного фанатика из ваших средних веков, который начал проповедовать свое учение, собирать воинствующий орден и провозглашать страшные вещи. Закончилось все очень печально – судом и виселицей. Наши христианские ордена сами обратились к королю с просьбой пресечь эти безобразия, потому что этот пришелец дискредитировал идеи христианства.

– А у вас есть христиане? – удивилась девушка.

– Есть, – Элмар улыбнулся. – Только совсем не такие, как у вас. Это обычная мистическая школа, как многие другие, совершенно мирная и безопасная. Я знаю, как все произошло у вас, мне Жак рассказывал. Жуткая история. Кто бы мог подумать, от каких мелочей иногда зависят судьбы мира... Или просто у вас люди более религиозны?

– А как было у вас?

– Нормально, как и со всеми остальными. Жил когда-то очень талантливый мистик, создал свою школу, обучил учеников, наделал много добрых дел, прожил долгую счастливую жизнь и умер в почтенном возрасте. Погиб, спасая своего ученика, который по неопытности попал в неприятности. Никаких интриганов-конкурентов, никаких учеников-предателей, никаких крестов и прочего мученичества... Ольга, ты любишь стихи?

– Люблю, – охотно призналась девушка. – С удовольствием послушаю, если ты считаешь мне вслух. Раз уж я оказалась снова неграмотной. А если хочешь, и я тебе почитаю. У меня в рюкзаке книги, там и поэзия есть.

– Тогда давай по очереди, – предложил Элмар, которому хотелось и того, и другого.

За этими поэтическими чтениями они и встретили рассвет. А вместе с рассветом пришла Азиль. Нимфа возникла в дверях, как всегда бесшумно, и остановилась в своей обычной позе – подогнув одну ногу, чуть склонив голову набок и придерживаясь рукой за косяк.

– Доброе утро, – тихо сказала она. – У нас гости?

Элмар отложил книгу и встал ей навстречу.

– Доброе утро, Азиль, – ласково ответил он, обнимая и прижимая к груди любимую девушку. – Это не гости, это небольшая работа на благо короны, которую мне подкинул дорогой кузен. Познакомься, ее зовут Ольга. А это и есть Азиль.

– Привет! – радостно откликнулась Ольга и тоже встала. – Ой, Элмар, тебе не кажется, что последняя бутылка была лишней?

– Мне кажется, – улыбнулась Азиль, – лишними были последние три. Король поручил тебе проверить, сколько вина можно выпить с подругой за приятной беседой?

– Она не подруга, – нахмурился Элмар. – Она переселенка. Мафей сегодня ночью притащил. А у Жака какие-то проблемы, и король поручил мне заниматься адаптацией.

– Только сегодня ночью? – Азиль чуть подняла брови. – А пить вы начали сразу, как только оказались дома?

– Совершенно верно!

– Это заметно. А что у Жака за проблемы?

– Сам не понимаю, какие проблемы могут быть у человека, который живет один и даже слуг не держит? Может, откроем еще бутылку и посидим втроем?

– А может, пойдем все потихоньку спать? По-моему, вам на сегодня хватит. А посидим вечером.

– Да, пожалуй, – поддержала ее Ольга. – А то я что-то совсем опьянела и спать хочу...

Спустя несколько дней я все-таки нашел этот проклятый шнур. Распотрошил какой-то прибор со склада, там, по счастью, оказалось все, что нужно. До сих пор интересно, где они его взяли, на момент перемещения самого здания его точно быть не могло. Так же как и Т-кабины. Не изобрели еще Т-кабины в двадцать первом веке. Оставалось только залезть еще раз в центр, подключиться и выяснить, где же лежат детонаторы, что я и сделал. Я жутко боялся, что доблестный советник придумает еще какой-нибудь занимательный эксперимент с моей психикой, которая к тому времени уже пошатнулась. Как меня засекли, до сих пор не знаю, на этаже не было охраны, в коридоре можно было делать что угодно. Охрана была только на входе, но оттуда вход в центр не виден... Или я где-то в системе наследил, или кто-то из других техников заметил и стукнул. Там были и другие, такие, как я. Например, конструктор с полностью треснувшим блюдцем, который на полном серьезе сотрудничал с «новой родиной» и кон-

струировал им ни много ни мало: танки, пушки, винтовки и прочие огнестрельные прелести. Или еще два спившихся приятеля – электронщик и оператор, которые обслуживали систему и генератор. Общаться с ними было невозможно, поскольку трезвыми я их ни разу не видел. А с еще одним, таким же, как я, общаться я сам не захотел, потому что он мог меня расколоть. В общем, не знаю, на чем я попался. Это должен был быть мой последний день в Кабель Милагро – оказалось, что детонаторы тоже хранятся в центре, в специальном контейнере, причем наши отдельно от заключенных и с более крепкой бетонкой. Колючку в те времена еще не придумали, но и бетонка тоже вещь малоприятная, без фугаса не сломаешь. Фугас я написал прямо с утра, ну, конечно, не то чтобы написал, в уме составил, на чем же его писать... А ночью я должен был взять свой детонатор, снять периметр и удрать через Т-кабину. Все равно куда. Но где-то я прокололся.

Не помню точно, что говорил мне Блай, настолько я одурел от страха. Я его даже не слушал, а только представлял, что со мной сейчас будет. Особенно почему-то я боялся той хлебоборезки, уж не знаю почему. Но советник решил, видимо, что теперь я стал ценным кадром и калечить меня не стоит. Он дал мне пару раз по морде от души и поволок на второй этаж. Вернее, приказал, а поволокли два стражника.

В камере меня ожидали старые знакомые – палач, который требовал, чтобы меня ему отдали, и парень с татуировкой. По татуировке я его и узнал, потому что лица у него уже к тому времени не было...

– Ну что, маэстро? – обратился к пленнику советник. – Не передумал? Еще можно.

Он промолчал. Тогда советник обернулся к палачу и, указав на заключенного, сказал:

– Он твой. На сутки. Если выживет, отведешь в бокс номер тринадцать. Этого, – он указал на меня, – не трогать, пусть смотрит. Потом, если не договоримся, я тебе его тоже отдам.

Тонкий намек такой сделал. И вышел. Стражники быстренько пристегнули мне какие-то цепи на руки и шею, после чего тоже выскочили за дверь.

Ты никогда не видела маньяка-садиста в действии? Я до того тоже. Как он там вообще среди людей вращался, его самого надо в цепях держать, полный психопат и извращенец... Хотя, может быть, Блай держал его как раз за то, что он палач хороший? А заключенными прикармливал, чтоб на людей не кидался? Не знаю. И знать не хочу.

Как я оттуда выбрался? Понимаю, тебе не хочется слушать про маньяка-садиста. Я и не собираюсь рассказывать в подробностях. А как это все получилось...

Ты, конечно, никогда не слышала про «синдром берсерка». Это было через сто лет после тебя. Придется рассказать, иначе не объяснить, как я унес ноги. Это было где-то в середине двадцать первого. Тогда появилась повальная мода изобретать идеальных солдат. Один малахольный генетик придумал какой-то способ улучшить человеческую природу путем направленной мутации и испытал его на собственных детях. Милый такой дяденька был, слов нет. Результаты он не успел обработать – что-то у него в лаборатории так шарахнуло, что не осталось ни здания, ни бумаг, ни его самого. То ли конкуренты постарались, то ли сам чего-то недоглядел. А осталось у него семь или восемь сыновей – результаты, так сказать, его опытов, которые расплозились по свету, наплодили детей. Оказалось, что мутированный ген передается по наследству. В общем, это нормальный человек, но с некоторыми модификациями. Например, повышенная устойчивость к любым воздействиям, ускоренная реакция, крепче кости, все такое. Но главное не это. Собственно сам синдром состоит в том, что в нужный момент происходит некая трансформация и человек превращается в эдакого супермена – становится нечеловечески сильным, ловким и метким. А еще чрезмерно агрессивным. Это как-то связано с выбросом адреналина и генетической памятью... Не знаю, я не медик. В первом поколении эта трансформация происходила управляемо. Во втором – только в состоянии стресса. Дальше – еще реже... Помнишь, я тебе говорил о своем прозвище? Один из детей чокнутого генетика потом стал писателем и написал несколько автобиографических вещей о себе и братьях. Вот его и звали Жак

Ренар. Его главный герой – этакий обаятельный парнишка вроде меня, потому меня так и прозвали. А еще, по непроверенным данным, он мой дальний предок. Хотя, собственно, данные уже можно считать проверенными. «Синдром берсерка» у меня обнаружился.

Не знаю, где он был раньше. Со мной неоднократно случались такие неприятности, что любой другой давно бы трансформировался. Одного того, что произошло в Кабель Милагро, хватило бы. А у меня не получалось. Может, мешал страх? Так не должен бы, по идее, от страха люди обычно и трансформировались... Не знаю. И как это получилось, не имею понятия. Я стоял в своих цепях и прижимался к стенке. Глаза закрыл почти сразу, чтобы всего этого не видеть, но даже от того, что я слышал, волосы вставали дыбом. Особенно когда представлял себя на месте того мистралийца. Очень явственно представлялось, как меня точно так же нагнут и поимеют, попутно разрисовывая спину ножом, или еще что-нибудь не менее болезненное. А ведь иначе садисту не в кайф. Вот так я стоял, зажмурившись от страха, и вдруг почувствовал, как во мне закипает злость. Черт знает откуда она взялась, я никогда не умел злиться по-настоящему... Когда сплелись злость и страх, со мной что-то произошло. Я почувствовал в себе силу разорвать цепь и вырваться. А еще я ощутил желание убивать. Это было не умопомрачение, я полностью сознавал, что делаю, и прекрасно все помню, это было что-то... Я как бы стал другим. И больше ничего не боялся.

Можешь не поверить, но палача я разорвал пополам голыми руками, хотя мог бы одним движением просто свернуть ему шею. Не знаю, откуда во мне взялась такая жажда крови. А потом я подхватил под мышку своего изувеченного приятеля, взял из набора пыточных инструментов что-то покрупнее и вышел в коридор. Никто так и не понял, кто я такой и куда иду, и, видимо поэтому, не попытался меня остановить. Думали, так и надо. Тем более идти-то было всего метров двадцать. Стражники на этаже не успели даже сообразить, что происходит. Мое тело двигалось само и быстрее, чем я соображал. Несколько движений – и у того, что слева, сломана шея, а охранник справа проткнут тем самым инструментом, который я захватил с собой. Оба лежат и не шевелятся, а я только осознаю, что это сделал.

Я вышел на свой этаж и бросился в мастерскую за шнуром, а затем в центр управления. Успел еще привалить дверь сейфом и кое-какой мебелью, на чем мои подвиги и закончились. Разумеется, став самым собой, первое, что я сделал, это моментально проблевался, не отходя от двери и стараясь хотя бы не упасть в обморок. Спасенный незнакомец уже немного пришел в себя и теперь сидел на полу, глядя на меня так, словно у меня рога выросли. А потом я бросился к компу... Не буду объяснять, как ломают бетонку и как программируют Т-кабину, ты все равно не поймешь... Одно помню – пока я ковырялся с этой допотопной клавишей, я очень жалел наших несчастных предков: они ж на этих дровах ВСЕ делали! Т-кабина? Ну, ты видела, как это делают маги? Телепортируются? Ну вот, то же самое, только без магии. Да, любой. И ты тоже, если научишься программировать... Больше всего меня удивило, что из кабины были выходы только в этот мир. Это полный абсурд. Если здесь есть Т-кабины, значит, они из нашего мира, и хоть одна должна выходить туда. А фигурки. Я попробовал набрать хоть один знаковый код, но мне выдавало: «доступ закрыт». За дверью уже слышались шум и грохот, дверь собирались ломать, поэтому искать доступ через сокет было некогда. Я плюнул, включил карту доступных точек и кинулся к своему новому приятелю.

– Пошли! – сказал я и стал его поднимать.

– Куда? – прохрипел он.

– Сюда. – Я затащил его в кабину и ткнул носом в карту: – Ты же местный, географию знаешь? Куда отсюда податься, чтобы нас не достали? Где нам помогут?

Он показал одну из точек и сказал:

– Зеленые горы... Иди туда. Там повстанцы. Помогут. А меня добей. Пожалуйста.

Начни я ему объяснять, что не могу, думаешь, поверил бы? Я и не стал ничего говорить, впихнул его в кабину и набрал код. Потом вернулся в комнату, выдрал с потрохами переходную

плату и сунул за пазуху. А еще заехал стулом по монитору и расколотил вдребезги, чтоб гады больше им не пользовались. Мы успели смыться в последний момент, когда дверь уже выбили и сейф с грохотом падал на пол.

Мы оказались в какой-то пещере, что больше всего меня испугало – без выхода. Без выхода и без входа, просто маленькая пещерка и в ней кабина, а как из нее выходят на белый свет, совершенно непонятно. Я попробовал выяснить это у своего спутника, но он больше ничего вразумительного сказать не смог. Он вообще больше ничего не сказал, по моему, парень окончательно свихнулся. Я и сам бы вполне мог точно так же. На мой взгляд, он и так слишком долго продержался. Я потыкался по углам, искал выход, не нашел... Потом попытался еще разок пробиться в родной мир, и это у меня опять не получилось. Даже со штекером. Кончились мои попытки тем, что в контролке благополучно полетели все мульки, так что я потерял вообще какую бы то ни было возможность выбраться из этой закупоренной со всех сторон пещерки. Два дня я там просидел без еды и воды в обществе тихо помешанного мистралийца, который то валялся без сознания, то нес какой-то бред, то в минуты просветления просил, чтобы я его добил. Как я сам там не помешался, до сих пор не понимаю. А на третий день случилось чудо. Стена пещеры открылась, и туда вошел человек. Сначала я подумал, что наконец подвинулся мозгами и присоединился к своему приятелю, но оказалось, что я просто не нашел, где эта долбаная стенка отодвигается. Должен сказать, дяденька, когда нас увидел, охренел так, что с ним чуть плохо не сделалось, но, когда разглядел несчастного моего спутника, возрадовался, подхватил его на руки, как родного, и поволок с собой. Как потом оказалось, он этого бедолагу долго и безуспешно искал...

Нет, я не знаю, что с ним теперь, где он и выжил ли вообще... Даже если выжил, больше о нем никто не слышал. Может, он до сих пор где-то в дурдоме сидит или где у них психов держат. А может, потом оклемался, просто на люди не показывается. Ты же, наверное, слышала о нем достаточно, какой он был до того – и красавец, и золотой голос Мистралии, и бабы от него падали, и вообще первый парень на деревне, а тут его так изувечили, что глянуть страшно... А что значит для музыканта остаться без руки!.. Этот бедолага мне до сих пор иногда снится. Наверное, у меня тоже мозги съехали. Комплекс вины или как там это называется... Видимо, из-за этого я его и потащил с собой. Подсознательно желая хоть что-то для него сделать. Ведь в состоянии трансформации люди с «синдромом берсерка» так обычно не действуют, в смысле не спасают посторонних потерпевших... а меня почему-то угораздило...

В общем, потом тот мужик еще заставил меня в контролке мульки поменять, ну и заодно рассказал много полезного, в частности просветил насчет перемещений подробнее. Когда я узнал, что дома меня уже честь по чести схоронили, мне как-то не по себе стало... Но суть не в этом. Оказалось, домой я уже в любом случае вернуться не смогу. Ни через Т-кабину, ни каким другим путем. Раз я там умер и переместился сюда, доступ обратно закрыт. Я спросил, что теперь делать, и он посоветовал идти в Орган. Пешком через горы, потому как нечего каждому встречному знать, где в Органе стоят кабины. Особенно такому встречному, как я, которого стоит допросить попристрастнее, и он тут же все выложит. Еще он предложил в качестве альтернативы остаться у них, чего я не захотел. Они, может, и неплохие ребята, эти повстанцы, но я просто боялся оставаться в этой стране. И я пошел в Орган. Потом тут и остался. Почему тут? Из-за короля. Мы с ним подружились, и он предложил мне жить здесь. А куда мне еще было идти?

Вот так я сюда и попал. А детонаторы потерял по пути, когда по горам лазил. Иногда я про них забываю, а иногда... Я ведь не знаю толком, как они устроены и что со мной будет, если, к примеру, мой детонатор под дождь попадет или если на него камень упадет... Зато если кто-то его найдет и начнет ковыряться, то... лучше не думать.

Как мы подружились с королем... Давай в другой раз расскажу. Это я могу рассказать в любое время. Только надо уточнить у короля, может, он хотел бы какие-то подробности сохранить в тайне. А то я ведь расскажу все... Кратко?

Если кратко, просто он мне понравился, наш король. Он тогда еще королем не был, но я как-то привык уже, потому и называю так. Он классный мужик. Может, столкнись мы с ним в другой обстановке, я бы счел его холодным и жестоким занудой, как считают многие. Но мне повезло застать короля в такой момент его жизни, когда как раз вылезло наружу все самое человеческое, что в нем есть. И он мне понравился. А я, наверное, понравился ему. Или просто стал жертвой его патологического любопытства. Не знаю. Просто мы подружились, и все. А что тут такого? Вот-вот, другие тоже так думают. Оттого так трудно королям заводить друзей. А они что, не люди? Не знаю, может, кое-кто действительно считает, что король Шеллар с причудами, но, по-моему, он тут единственный нормальный человек, способный непредвзято мыслить... Давай я тебя домой провожу, у тебя же, кажется, экзамен сегодня... Встретить тебя после работы? Я на улице буду ждать. Не пойду я вовнутрь, в вашу хирургию... боюсь. Сама знаешь.

Часов в девять утра Элмара разбудили вопли под окнами. Он с трудом поднял гудящую голову, прислушался и узнал голос графа Орри. Граф колотил мечом о щит и кричал во всю глотку:

– Элмар! Эй, герой! Вставай! Хватит дрыхнуть! В поход!

– Опять!.. – простонал принц-бастард, снова утыкаясь головой в подушку. – Тханкварра! Куда-то переться ни свет ни заря, скакать как придурок, мечом махать... Азиль, скажи ему, чтобы не орал, я сейчас...

Нимфа засмеялась, птичкой выпорхнула из-под одеяла и распахнула окно:

– Доброе утро, граф! Сейчас он встанет!

– Доброе утро, несравненная Азиль! – протрубил за окном доблестный паладин. – А что это он до сих пор спит?

– Провел ночь за возлияниями! – объяснила Азиль, обернулась, посмотрела на Элмара и добавила: – И еще не проспался.

– Элмар! – рявкнул граф. – Извини! Все ждут тебя!

Принц-бастард со стоном сполз с кровати и подошел к окну.

– Срочно? – хмуро спросил он, высовываясь на улицу. Осенний холод слегка освежил похмельную голову, но зато мгновенно заморозил все остальное.

Граф Орри в полной походной форме гарцевал под окном, ожидая проспавшего командира.

– Как можно скорее, – ответил он. – Почти все уже собрались, ждем только тебя, Лавриса и Мэнсора.

– А что там?

– Говорят, выводок диких троллей, но точно неизвестно.

– Выводок? Ну ни хрена себе... Тханкварра... Там что, ни одного героя поблизости нет? Ради такой ерунды поднимать нас! Пара магов справилась бы... Сейчас оденусь и приеду, ждите.

Он закрыл окно, распахнул дверь и закричал в пространство коридора:

– Илас! Походные доспехи и оружие! – Потом обернулся к Азиль и попросил: – Спустись, пожалуйста, на кухню, прикажи подать мне кувшин сока и большой бутерброд.

В ванной он облился несколько раз холодной водой, постоял, прислушался к своим ощущениям и решительно сунул голову прямо в лохань. Холодная вода помогла, но ненадолго. Сон удалось разогнать, а похмелье, как Элмар уже знал по собственному богатому опыту, столь радикальному и быстрому лечению не поддается. Он представил себе, как будет еще полдня

трястись в седле в таком состоянии, и подумал, что насчет большого бутерброда, пожалуй, погорячился.

Возвращаясь в спальню, чтобы одеться, принц-бастард налетел на какую-то полуодетую девицу, стоявшую посреди коридора и тарашившую на него глаза в немом восхищении.

– Чего стоишь на дороге? – проворчал он, отодвигая ее в сторону. – Оденься и делом займись...

Он попытался вспомнить, когда это его дворецкий нанимал новую служанку, но через несколько секунд вопрос вылетел у него из головы, поскольку забот и так хватало.

Еще минут двадцать весь дом стоял вверх дном: слуги носились, как подстреленные гоблины, разыскивая то потерянный хозяином второй сапог, то чистую рубашку требуемого цвета; сам хозяин ругался по-варварски и прыгал на одной ноге, пытаясь одновременно надеть штаны и причесаться; заспанный Илас метался по оружейной, разыскивая запропастившийся хозяйский шлем и наспех натирая тряпочкой панцирь, чтобы тот хоть чуть-чуть блестел.

В конце концов все было найдено, надето и пристегнуто, и первый паладин королевства тяжело взгромоздился на лошадь, все еще пытаясь прийти в себя.

– Ну что, готов? – усмехнулся граф Орри. – Поехали?

Они отдали честь несравненной Азиль, махавшей с крыльца платочком, и припустили галопом в сторону штаб-квартиры корпуса паладинов.

– Слушай, Келдон, – спросил Элмар, когда они проехали уже полдороги, – а где это у нас могли вывестись дикие тролли, так, чтобы никто их до сих пор не заметил? Может, они оседлые, а кто-то просто перепутал?

– Не знаю, – пожал плечами граф. – Но они нападают на людей. Значит, дикие.

– Большой выводок?

– Два взрослых самца, три самки, трое молодых и один детеныш.

– Полная чушь! Как могло быть, что никто их не видел, если у них уже молодняк подрос? Где это произошло?

– А сам как думаешь? Конечно, в предгорьях, в Сорелло.

– Тогда понятно. Там что сам барон Сорелло, что его шериф – два сапога валенки... И драконы заведутся, не заметят. А заметят, так полгода будут думать: сообщать в столицу или так обойдется?

– Ну да... – хмыкнул граф. – Само рассосется... А уж когда додумаются сообщить, то в такой панике, что в столице поднимут по тревоге корпус паладинов, хотя ты прав, пара хороших боевых магов тут больше подошла бы. Да не переживай, мы быстро управимся, может, сегодня же и вернемся.

– Тебе хорошо... – вздохнул Элмар. – А я вчера здорово перебрал и теперь как подумаю, что мне предстоит изысканное удовольствие гоняться за троллями и вдыхать их неповторимый аромат...

– Мы тебя поставим в задних рядах, около кухни, – засмеялся Келдон Орри, весело хлопая товарища по плечу. – Все мы это дело любим и твое состояние отлично понимаем. Кстати, слушай новый анекдот!

Элмар слушал вполуха и пытался понять, что с ним не так. Его не покидало чувство, что что-то не так. Он осмотрел доспехи и оружие – все было на месте, в порядке, а все равно такое чувство, словно что-то забыл.

На плацу перед штаб-квартирой уже выстроился весь корпус – сто пятьдесят королевских паладинов, отборная гвардия, элитное войско. Почти половина – бывшие герои. Гордость короны, слава отечества... На хрена было собирать такое войско ради несчастного выводка троллей? Любой из них разметал бы такого противника в одиночку, если, конечно, вооружиться не мечом, а хорошей палицей, к примеру... Или послать парочку боевых магов, желательно элементаристов... И все было бы в порядке, и перепуганного барона Сорелло успо-

коили бы, и несчастный первый паладин мог бы нормально проспать. Нет, он, конечно, не против поразмяться, но не в таком же состоянии!

Заспанного командира приветствовали почетным салютом.

– Доброе утро, доблестный герой! – дружным хором проорали они, и Элмар понял, что, по крайней мере, еще часа два ему придется выслушивать шуточки товарищей по поводу его способности спать, пить, а заодно есть и все прочее, хотя на самом деле «есть и прочее» не имеет никакого отношения к тому, что он проспал. Он ответил на приветствие и заметил слонявшихся поблизости четырех магов-телепортистов. Это обрадовало его несказанно – значит, дело срочное и трястись в седле трое суток не придется. Сейчас их телепортируют прямо в Сорелло и ехать останется совсем немного. Значит, большой бутерброд вполне можно было и съесть... При воспоминании об утраченной завтраке радость резко поубавилась. А когда они прибыли на место и начались те самые шуточки, которых он боялся, настроение у принца-бастарда вовсе испортилось.

Начал все, разумеется, кавалер Лаврис, который был знаменит не только тем, что портил девиц в непомерных количествах, а еще и склонностью насмехаться над всем на свете.

– Что-то долго ты спишь, – подколот он печального принца-бастарда. – В детство впадаешь или ночь была бурная?

– Ты сам явился еще позже, чем я, – недовольно проворчал Элмар, понимая, что этим бесстыжего Лавриса не проймешь.

– Да я-то понятно, – ничуть не смущаясь, согласился тот. – Я вчера удостоился чести ужинать с ослепительной Камиллой Трезон, так что уснул только в пять утра. А ты?

– Ах! – вздохнул граф Орри. – Разве можно спать, когда рядом несравненная Азиль!

Граф был неравнодушен к прекрасным глазам нимфы и давно безнадежно вздыхал, завидуя приятелю. Сама же Азиль, как нарочно, обошла его своим вниманием, объяснив это туманно и непонятно, как и все, что она пыталась объяснить: «Тебе это не нужно». Не иначе от зависти его светлость и присоединился к насмешнику Лаврису, потому что обычно он не имел склонности издеваться над несчастными товарищами, которых поднимали ни свет ни заря и отправляли в поход в состоянии жестокого похмелья.

– Отвяжитесь, – проворчал Элмар. – Без вас голова трещит...

– Ах, вот оно что! – дружным хором вскричали друзья-паладины и заржали так, что их кони испуганно шарахнулись.

– Действительно, – подмигнул Орри, – Азиль упоминала о каких-то ночных возлияниях... И где же это ты так набрался, дружище?

– Дома, – проворчал Элмар. – Азиль ушла гулять, а мы посидели, выпили... Стоп, а с кем это я вчера пил?

Последовал новый взрыв хохота, конь Элмара вздрогнул так, что принц-бастард едва не вылетел из седла.

– Вспоминай, вспоминай! – простонал кавалер Лаврис. – Может, даму привел? Может, она до сих пор у тебя дома спит и не понимает, куда ты делся?

– Какую еще даму? – сердито огрызнулся Элмар. У этого Лавриса все мысли только об одном, нет чтоб о предстоящей битве задуматься! Насовать бы его носом в тролля хоть раз, чтобы осознал... – Разве бы я с дамой всю ночь вино хлестал? Нет, а действительно, с кем же я пил?.. Тханкварра!!! – вдруг взвыл он и в отчаянии хлопнул себя ладонью по лбу. Пластинчатая перчатка звонко лязгнула о шлем, отчего в голове у героя зазвенело. – Я же совсем про нее забыл!

– Значит, все-таки дама, – сделал вывод кавалер Лаврис.

– Какая дама! – застонал Элмар, разобравшись наконец, что за «новая служанка» попала ему сегодня в коридоре и почему его все утро преследовало чувство, будто он что-то не сделал. О боги, стыд-то какой! Что она подумает о мире, в котором даже принцы, получив-

шие королевское воспитание, слоняются по дому в неподобающем виде и хамят дамам, спяну забыв, кто перед ними?! – Ну вас всех в задницу с вашими дамами! Мне король переселенку поручил для адаптации, а я привел ее домой, напоил и забыл про нее! Ой, тханкварра... Это же я на нее наткнулся в коридоре... Еще подумал, что это новая служанка...

– И что ты ей сказал? – тут же поинтересовался Орри.

– Не помню... Да какая разница, что я ей сказал, достаточно того, что я был совершенно голый!..

– Бедная девушка! – счастливо вскричал Лаврис. – Ее сердце разбито навеки!

Элмар прикусил язык, проклиная свою болтливость, но было уже поздно.

Поход обещал быть веселым.

– Ну он у тебя!.. – в который раз восхищалась Ольга, разводя плечи и сжимая кулачки, чтобы изобразить мускулистого принца. – Никогда в жизни такого мужика вблизи не видела!

– Да, – улыбнулась Азиль, – Элмар красивый... Говоришь, он тебя не узнал? С похмелья с ним и не то бывает.

– Я сама сначала подумала, что мне все по пьянке приснилось, и не могла понять, что с нашей общагой, а потом – где я вообще нахожусь... Выхожу в коридор, направляюсь на кухню покурить и вижу – навстречу топает здоровенный качок в чем мать родила... Ничего пробуждение?

Девушки рассмеялись и продолжили завтрак. Они сидели на кухне, пристроившись на подоконнике, чтобы не мешать кухарке, поглощали яичницу прямо со сковородки и веселились, вспоминая суматошное утро.

– А куда он так срочно собирался? Переполошил весь дом... – спросила Ольга.

– В поход, – пояснила нимфа. – Иногда их вызывают не предупреждая. Это еще ничего, Элмар, по крайней мере, живет у себя дома, и его всегда можно найти на месте. А вот Лавриса, к примеру, вечно приходится по борделям вылавливать... Что я смешного сказала?

– Ой... – Ольга согнулась пополам от хохота. – Я просто представила себе такой вот крик и грохот рано утром под окнами только что уснувшего борделя...

Азиль тоже рассмеялась:

– А я вот представила себе, что будет с бедным Элмаром, когда он все вспомнит.

– Что – «все»?

– Кто ты такая и что делаешь у него в доме. Он всегда так – напьется, отчебучит чего-нибудь, а наутро в нем королевское воспитание просыпается, и начинаются угрызения совести. «Ах, как я мог, ах, я же первый паладин, ах, как же это недостойно!», и все такое. Вот он вспомнит, что ему король поручил с тобой заниматься, а он первым делом наклюкался и о поручении забыл, и как начнет переживать! А потом еще сообразит, что бросил тебя на произвол судьбы и даже слуг не предупредил, и совесть его совсем замучит. Уж не знаю, помнит ли он, что нас знакомил, если помнит, то еще ничего... А уж когда смекнет, что ходил в непотребном виде в присутствии дамы, да еще из другого мира, вообще со стыда сгорит.

– Ах, как же это недостойно! – вскричала Ольга, и девушки снова дружно расхохотались.

Кухарка покосилась на них с явным неодобрением.

– А что мы будем делать? – спросила Азиль, когда они закончили завтрак и насмеялись вдоволь. – Ты не знаешь, как занимаются адаптацией переселенцев? У меня опыта в этом деле нет.

– У меня есть, – хихикнула Ольга. – Надо сесть в библиотеке, набрать побольше вина и квасить всю ночь. Во всяком случае, Элмар это делает так.

– Я так не умею, – засмеялась нимфа. – Я столько не выпью. Наверное, тебе надо что-то рассказывать? А что, например? Элмар тебе что рассказывал?

– О себе, о королевской семье, об эльфах и о своем кузене... А в основном о классической поэзии. А еще я его спрашивала о его подвигах, но он поскромничал. Может, ты расскажешь?

– О подвигах... – Азиль сразу как-то посерьезнела и оглянулась на кухарку. – Пойдем, наверное, действительно в библиотеку... А еще лучше, в твою комнату. Ты будешь устраиваться, а я тебе что-нибудь рассказывать.

– Доброе утро, ваше величество! – В дверь кабинета просунулась улыбающаяся мордашка Жака и повела глазами вокруг. – Вы заняты? Я вам буду нужен?

– Подожди, – кратко бросил король, указывая на диван, и снова обратился к секретарю: – Я приму его завтра в девять утра. Сегодня не получится, я всю вторую половину дня буду в Департаменте Порядка и Безопасности. Если что-то срочное, пусть меня ищут у Флавиуса. На десять вечера придешь... нет, у тебя рабочий день закончится в восемь, пусть придет Антрас. Сюда, в кабинет. Надо будет написать несколько писем. И вызови мне сейчас казначея со всеми рабочими документами, мы поработаем с бюджетом на будущий год. Счеты пусть захватит, а то он в уме складывать не умеет, и приходится по полчаса ошибку искать. Все ясно? Работай.

Секретарь с поклоном отступил от стола, спрятал в папку исписанные листки, снова поклонился и удалился.

– Как дела? – спросил король, когда дверь закрылась. – Ты хоть спал сегодня?

– Немного, – кивнул Жак. – Когда Тереза ушла.

– Рассказал?

– Рассказал, – вздохнул Жак.

– Все?

– Нет. До того места, как я попал в Орган. Я подумал... что вы...

– Что я буду против? Я же сказал – можешь рассказывать.

– Про все? Про слонов тоже?

Король грустно усмехнулся:

– Что вам всем дались эти слоны? Очень даже милые слоны, и ничего страшного в них не было... Ты же рассказал ей про хлеборезку? И про свою способность к трансформации? И про свой страх? Ведь рассказал, не постеснялся?

– Рассказал. – Жак нахмурился.

– И как она отреагировала?

– Ей было меня очень жалко.

– Так вот, Жак, раз уж ты решил второй раз просить у меня разрешения... – Король задумчиво повертел в руках карандаш. – Ты сам понимаешь, что я могу быть против чего-то, но не можешь определиться, чего именно, вот и вспоминаешь этих несчастных слонов. Но дело совсем не в том, что я хотел бы скрыть какие-то факты своей биографии. Я не сделал ничего такого, чего следовало бы стыдиться. Но зная тебя... пожалуй, одно ограничение должно быть. Единственное. Если после твоего рассказа твоей девушке станет жалко меня, я на тебя очень обижусь. Тебе понятен ход моих мыслей?

– Понятен, – вздохнул Жак. – Но, ваше величество, вы ставите передо мной неразрешимую задачу. Я не вижу, как это все можно рассказать так, чтобы не вызвать к вам сочувствия. Даже если перечислить одни факты.

– Не можешь – не рассказывай. Я поставил тебе условие, как ты собираешься его выполнить – твое дело. В конце концов, ничего страшного не случится, если Тереза не узнает о том, как мы с тобой познакомились. А если уж ты твердо намерен рассказать, то опусти свои сочувственные комментарии. Нет ничего противнее, чем несчастный король, которого жалеют подданные. Ты со мной согласен?

– Вам виднее, – пожал плечами Жак.

– Значит, не согласен. – Король снова грустно усмехнулся. – Я так и думал. Ладно, с этим закончим. Ты сейчас в состоянии работать?

– Вполне, – с готовностью отозвался Жак. – А что? Надо о чем-то подумать? Или пошутить?

– Нет... А разве я тебе вчера не сказал? Забыл, наверное. У нас опять пополнение.

– Вот как... Кто на этот раз?

– Молодая девушка, конец двадцатого века, очень интересная. Тебе понравится. У нее такая же забавная речь, как и у тебя.

– Что-то везет нам на двадцатый, вам не кажется? Это уже четвертая. А где она сейчас?

– У Элмара. Потому и прошу тебя ею заняться. Вообще-то, я надеялся дать тебе немного отдохнуть и поручил ее Элмару. А его сегодня утром срочно вызвали в поход. Так что, извини уж, придется поработать.

– Нет проблем, ваше величество. Ну, я пошел?

– Иди. И, Жак... Если тебя опять начнут мучить кошмары, не стесняйся, приходи ко мне. Слонов я тебе, конечно, не обещаю, но напоить до беспамятства могу.

– Спасибо, ваше величество, – засмеялся Жак. – Только как же я без слонов? Без слонов никак нельзя!

Он легко подхватился с дивана, лихо сбил берет набекрень и шмыгнул за дверь. Король посмотрел шуту вслед, продолжая грустно улыбаться своим мыслям.

Глава 3

Обстановка в Ортане стабилизировалась, Шеллар полностью контролирует ситуацию, нашего вмешательства не требуется. Дать прогноз, как повлияет происшедшее на политическую жизнь континента, пока никто не берется.

Из рапорта начальника лондрийской разведслужбы королю Элвису II

Король прекрасно помнил тот день, когда впервые увидел это удивительное существо – Жака. День был сам по себе незабываемый. Шеллар тогда должен был присутствовать на праздничном представлении в честь помолвки кузена Интара и сидеть в королевской ложе вместе со всей семьей, но, узнав про загадочного пленного, не смог бороться с любопытством и решил опоздать на официальное мероприятие, но в загадке разобраться. Тем более его положение позволяло ему не только опаздывать, но и вовсе пренебрегать всякими мероприятиями в интересах короны. А интересами короны он мог объявить что угодно, никто бы не стал проверять.

Первым, что бросалось в глаза при виде пленника, был его страх. Парень был насмерть перепуган, и притом давно. Командир патруля, поймавшего его неподалеку от южной границы, утверждал, что юноша на грани истерики и не подпускал к себе никого, угрожая взорвать все вокруг, пока его не убедили, что они не мистралийцы, а ортанские пограничники. Похоже было, что этот человек бежал из Мистралии, где его очень сильно напугали. Само по себе это было не удивительно, из Мистралии бежали все, кто только мог, жить там было невозможно. Станным было другое. Парень совершенно не ориентировался в окружающем мире, говорил о непонятных вещах и имел при себе несколько предметов неизвестного назначения, с которыми расстался неохотно и просил их не трогать и не разбирать во избежание неприятностей. Объяснять что-либо он напрочь отказался, заявив, что расскажет все без утайки, но не более не менее как самому королю, потому как всех остальных боится и никому не доверяет. Самое страшное для парня, как показалось всем, кто с ним общался, было вернуться в Мистралию.

Составив первое впечатление, глава Департамента Порядка и Безопасности принц Шеллар тут же закрыл окошечко на двери камеры, чтобы это впечатление не смешалось с потоком последующих, и подождал немного, чтобы придать ему устойчивость. Шеллар доверял своей интуиции и всегда придавал значение первому впечатлению. Начальник королевской тайной службы безопасности почтительно стоял рядом и ждал приказаний.

Подумав немного, Шеллар еще раз заглянул в окошко. Пленник снова вскинулся и обернулся на звук. На вид ему было не больше двадцати лет. Невысокий крепыш в изрядно потрепанной униформе мистралийской тайной полиции без знаков различия. Миловидное округлое лицо с мягкими чертами, дамы от таких приходят в умиление и обзывают «лапочками». Обычно эти «лапочки» и «душечки» легко ломаются при малейшем нажиме, странно, почему с этим возникли такие проблемы. Тут уже давить дальше некуда, и так губы дрожат, глаза перепуганные...

Пленник смотрел на окошечко, из которого за ним наблюдали, со странной смесью страха, отчаяния и надежды. Со второго взгляда паренек вызывал симпатию Шеллара, хотя такие понятия, как «лапочка» и «душечка», главе департамента были глубоко чужды.

– Его допрашивали? – спросил Шеллар, закрывая окошко.

– Пробовали, господин начальник. Он требует, чтобы его пустили к королю, и все тут.

– Какое воздействие оказывали?

– Пробовали пугать и уговаривать. Без толку. Его чем-то до этого так напугали, что нас он уже не боится. Уговоров не понимает. Бить мы его, правда, не пробовали. Вы не распоряжались, и я счел это нецелесообразным. Пленник настроен неввраждебно, я даже сказал бы, доста-

точно конструктивно и желает сотрудничать, единственное, что его останавливает, это страх. Если с ним обойтись жестко, он станет относиться к нам как к врагам. А информация, которой он владеет, может быть действительно важной.

– Я понимаю, – прервал его глава департамента. – Ты совершенно прав, Флавиус. С ним вполне можно договориться по-хорошему, попробую это сделать. Беспокоить его величество, конечно, не стоит, надеюсь, меня этому упорному юноше окажется достаточно. Кстати, он пояснил, чего конкретно боится?

– Того, что кто-то из сотрудников департамента может работать на мистралийскую разведку и как только его показания попадут к ним в руки, они передадут сведения своим хозяевам, после чего его найдут, похитят и страшно подумать, что сделают. Мне он тоже ничего не сказал. Доставить его в кабинет?

– Да. Только не в кабинет для допросов, а в мой...

– Здравствуйте. Меня зовут господин Шеллар, я глава Департамента Безопасности и Порядка. А вас?

– Жак, – неохотно представился перепуганный парень и опустил глаза. – Я уже говорил, что расскажу все только королю.

– Король не будет с вами беседовать, господин Жак. Просто потому, что он вообще не занимается вопросами разведки. Это моя сфера деятельности. Если вас это утешит, я член королевской семьи, принц и четвертый наследник, представляю здесь его величество. Поэтому вы будете беседовать именно со мной. Даже если король и захочет вас выслушать, он сделает это в моем присутствии или же передаст мне все сведения, которые вы ему сообщите. Так что для вас не имеет никакого смысла настаивать на личной беседе с ним.

Странный молодой человек по имени Жак оказался напуган до потери способности логически мыслить. Шеллар бился с ним часа два, взывал к его рассудку, осторожно пугал, откровенно подлизывался, заводил разговор на отвлеченные темы, пытаясь окольными путями вытянуть из него хоть какую-то информацию, с которой можно было бы работать. Результаты оказались скудными. Единственное, что можно было утверждать достоверно, – парень был переселенцем. Он считал время не лунами, а месяцами, совершенно не знал географии и поминал бога в единственном числе. Из этого можно было сделать вывод, что доверчивый переселенец попал в лапы мистралийским спецслужбам и был использован для каких-то неблагоприятных дел, причем в такой сфере, где мог получить полное представление о методах работы этих самых служб. Правда, оставалось неясным, как он ухитрился оттуда сбежать и добраться до органской границы, не попав в руки повстанцам. Хотя возможен вариант, что там он тоже побывал и натерпелся страху еще и от них. Но все это были сплошные догадки, что только разжигало природное любопытство Шеллара. На церемонию он все равно опоздал и теперь решил наплевать и все-таки дожать странного собеседника, чего бы это ни стоило. Он как раз обдумывал следующую линию разговора, когда в кабинет без стука ворвался Флавиус.

– Господин начальник! Ваше высочество! – взволнованно выкрикнул он и осекся, взглянув на допрашиваемого. – Господин начальник... случилось ужасное несчастье...

– Говори, – кивнул Шеллар, недоумевая, что могло заставить невозмутимого Флавиуса так паниковать. – Или это секретно? Я просто не хочу таскать его туда-сюда, если информация не особо конфиденциальна.

– Что тут может быть секретного, уже весь город знает... Ужасное, чудовищное преступление! В королевской ложе произошел взрыв...

– И? – Глава департамента застыл, внезапно захваченный незнакомым донныне ощущением.

– Вся королевская семья погибла. Все, кто там был. Его величество, оба первых наследника, ее величество королева Роана, юный принц Алеар...

– Подожди... – Шеллар прижал ладони к лицу и закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями.

Принца Шеллара всегда считали не совсем нормальным. До года все были уверены в его умственной отсталости, потому что малыш не улыбался, как все дети. Когда в год с небольшим принц заговорил сразу связными предложениями, стало ясно, что с умственным развитием у него все в порядке, а дело в чем-то другом. Когда же маленький Шеллар научился читать в два с небольшим и к четырем годам освоил полный курс арифметики, а также продемонстрировал феноменальную память, было единогласно решено, что его странности являются неотъемлемым признаком гениальности. А странности были весьма заметные. Ребенок, который никогда не смеется и не плачет, ничего не боится и никого не любит, никоим образом не мог считаться нормальным, будь он хоть сто раз гениален.

Смеяться принц научился годам к пятнадцати, примерно в то же время у него прорезалось чувство юмора и чувство привязанности. Но по-прежнему никто и никогда не видел, чтобы он грустил или плакал, боялся или гневался. Шеллар был неизменно ровным и серьезным, и наставники всегда ставили его в пример кузенам. Только мэтр Истран, приходя в отчаяние от бесчувственности юного принца, говорил, что это, несомненно, результат какого-то проклятия и когда-нибудь плохо кончится. Впрочем, ничего похожего на проклятие ни один маг так и не обнаружил, хотя обследовали неоднократно и самого Шеллара, и его отца. Покойный папенька тоже отличался нестандартным поведением.

Однажды опасения почтенного мэтра Истрана чуть не сбылись – Шеллар случайно поймал эманацию стихийного эмпата. Чужое чувство ворвалось в его сознание и пронеслось по нему, как орда варваров по спящей деревне. К счастью, мэтр был рядом и сэкранировал его от эманаций прежде, чем принц успел упасть в обморок. А потом старый маг просто и доходчиво объяснил Шеллару, что, если он не постарается хоть немного научиться чувствовать, это может для него действительно плохо кончиться. «Однажды, – сказал он, – вы столкнетесь в своей жизни с чем-нибудь таким, к чему просто не сможете оставаться равнодушным. Можете себе представить, что с вами будет? Хорошо, если просто потеряете сознание. А ведь можете и сойти с ума».

С тех пор прошло много лет. Принц Шеллар честно старался чему-то научиться, штудировав книги по психологии, хотя его успехи были весьма скромными. А слова мэтра о возможном безумии он запомнил накрепко. Поэтому сейчас, когда он услышал о смерти королевской семьи, то постарался приложить все усилия, чтобы справиться с внезапно вспыхнувшим в нем чувством невероятной силы. Для него невероятной, разумеется.

Он попытался найти логическое решение своей проблемы и вспомнил, что об этом говорилось в трудах психологов. От разрушительного действия скорби нужно отвлечься. Нельзя плакать, впадать в истерику и предаваться горю. Шеллар должен работать. Да, правильно – он должен делать свое дело. Собирать информацию, искать убийц, вести расследование. Именно он сам, а не рядовые сыщики из службы порядка. Убийство королевской семьи – это не кража трех рулонов полотна из купеческой лавки.

Взять себя в руки. Забыть о том, что он только что потерял свою семью, всех, к кому был привязан, кого считал родными, всех, кто его любил... Он глава департамента, и он должен работать... Стоп. Глава департамента? О, нет. Уже нет... Эта мысль, озарившая принца столь внезапно, повергла его в шок повторно.

– Ваше высочество... – осторожно подал голос притихший Флавиус. – Простите... Я позволил себе... Я повел себя непростительно легкомысленно, сообщив вам об этом так резко и неожиданно... Я не подумал, что это может быть для вас... слишком... Ради всего святого, скажите что-нибудь! Как вы себя чувствуете? Может быть, следует позвать кого-нибудь?.. Или дать вам воды? Или... Скажите хоть что-нибудь!

– Подожди, – повторил Шеллар, – не надо. Лучше скажи, кто остался. Хоть кто-нибудь уцелел?

– Никого, – виновато сообщил Флавиус. – Все, кто был в ложе...

– А кого не было в ложе? Кроме меня. – Как только он начал думать о деле, стало легче, и Шеллар поторопился продолжить расспросы.

– Насколько мне известно, принц Мафей не был допущен на церемонию в наказание за какую-то шалость, и мэтр Истран как раз занимался его воспитанием. Ну, разумеется, принц-бастард Элмар в отъезде, но вы это и сами знаете. Вот и все.

– Так... – сказал Шеллар, тяжело поднимаясь из-за стола. Ясность мысли возвращалась. Он отошел к окну, отвернулся, постоял несколько минут, просчитывая варианты. Потом спросил: – Много народу знало, что меня нет в ложе? Кроме погибших, разумеется?

– Только мэтр Истран и стражники, которые видели вас здесь.

– Останки опознаваемы?

– Я не видел лично, но после взрыва такой силы... Не думаю.

– Значит, так. Подними всех доступных агентов и брось на связь. Во-первых, предупреди Костаса, чтобы привел полицию в боевую готовность и ждал приказа. Я думаю, это переворот и в ближайшие часы кто-то полезет на трон. Как только узнаем это, мы задавим их, пока они не успели развернуться. Во-вторых, постарайся сделать так, чтобы меня нашли среди останков. Злоумышленники могут не вылезти на свет, если узнают, что я жив. Могут даже начать охоту. В ложе было полно приближенных лиц, количество трупов будет трудно определить. Возьми мою звезду и кольцо, пусть твои агенты подбросят на место взрыва. Не забудь звезду погнуть и испачкать. В-третьих, скажи Крассу, чтобы стража тоже была готова и ждала приказа. В-четвертых, обязательно пошли кого-нибудь к Орри, пусть срочно соберет паладинов в штаб-квартире, иначе в городе их перебьют по одному. А главное – предупреди мэтра Истрана, чтобы забрал Мафея и прочих магов и немедленно покинул дворец. Они спрячутся здесь, в здании департамента. Паладины пускай тоже подтягиваются сюда.

– Будет сделано, – кивнул Флавиус с видимым облегчением.

– И еще, обязательно запаситесь полиаргом в достаточном количестве, скорей всего, это будет религиозный орден.

– Будет сделано, ваше высочество, – снова кивнул Флавиус и указал на упрямого беженца, который все это время сидел вжавшись в свой стул, как перепуганный мышонок. – Этого в камеру?

– Не надо. Я все-таки закончу с ним. Когда определимся с противником, доложишь, и я буду думать дальше. А пока у меня есть время, которое надо чем-то занять. Вот им я и займусь... Да, если вдруг сюда заявится новый начальник департамента, вдруг они обнаглеют настолько, тащи его в подвал, – Шеллар заметил, как притихший было Жак содрогнулся на последнем слове, и запомнил это на будущее, – зови меня, и... – он покосился на переселенца и решил воздержаться от подробностей, – и я с ним побеседую.

Начальник службы безопасности почтительно склонил голову:

– Я все сделаю, ваше величество.

На этот раз в его голосе было еще больше почтения, чем раньше. Разведчик, он все понимал.

– Сделай это, Флавиус, – негромко попросил Шеллар. – И я тебя не забуду. Мое место уже можно считать свободным, а Костас слишком стар для такой должности.

Флавиус молча поклонился.

Когда дверь закрылась, Шеллар подошел к сейфу, где за стопкой документов у него была припрятана бутылка коньяка, и достал ключ. Поколебался мгновение... Нельзя. Голова должна быть если уж не совсем ясной, то хотя бы трезвой. Лучше закурить. Достал трубку и, набивая ее, заметил, что у него трясутся руки.

Раскурив трубку, он наконец сел за стол и внимательно посмотрел на несговорчивого господина Жака. Тот все еще сидел, съежившись на своем стуле, но в глазах у него был уже не страх, а невыразимое сочувствие, которое он не решался высказать.

– Я тебя слушаю, – сказал Шеллар.

– Сейчас? – как-то неуверенно переспросил Жак.

– А что, ты хочешь для верности подождать официальной коронации?

– Нет, – тихо ответил Жак. – Я понял, что вы теперь король. Только... Вы действительно хотите слушать сейчас?

– Отчего же нет?

– Ну... я подумал, что вам сейчас не до того... У вас такое случилось... А тут я со своими проблемами... Может, ну их на фиг, что я, не успею вам в другой раз рассказать? Вам ведь плохо, вы на себя в зеркало посмотрите. Хоть выпейте что-нибудь, или поплачьте, или... я не знаю... На вас смотреть страшно.

– Спасибо, конечно, что ты заботаешься о совершенно чужом тебе человеке, – слегка удивился Шеллар. – Но не стоит. Мне действительно плохо, ты прав, но я не могу предаваться переживаниям. Не время. Нельзя. Надо отвлечься какой-нибудь работой. Вот, например, выслушать твою информацию и найти ей применение. Так что давай, рассказывай. Если ты действительно хочешь чем-нибудь помочь, дай мне пищу для размышлений, чтобы я мог думать о чем-то, кроме... сам понимаешь. Если тебе страшно смотреть, можешь отвернуться. – И зачем-то добавил: – А плакать я не умею.

И Жак рассказал. Все, что мог рассказать, ни о чем не умалчивая и ничего не приукрашивая в свою пользу. Откровенно. Честно. Как праведный христианин на исповеди. Видимо, у бедняги не первый день нервы были на пределе и ему самому до боли хотелось выговориться. Хоть кому-то рассказать, поделиться, выплеснуть весь тот ужас, что ему довелось пережить. Слушая рассказ, Шеллар мрачнел на глазах. Правление его обещало быть веселым. Мало того, что начинается с крови и предательства, так еще в обозримом будущем нужно ожидать войны. Причем почти обреченной на поражение. Кто бы мог подумать! Мистралия... Ее уже никто не принимал всерьез, эту многострадальную страну, разоренную пятью переворотами. На нее уже косились, облизываясь, все короли континента... Понятно, почему ни один агент не смог выбраться из Капель Милагро, теперь-то понятно. Вот чем они там занимаются. Боевые машины, это надо же додуматься... Хотя, что им осталось после того, как они последовательно истребили всех мало-мальски стоящих магов? Агенты неоднократно докладывали, что Мистралия бешеными темпами развивает тяжелую промышленность, но никто не мог понять зачем. Теперь будем знать. Затем, чтобы к тому времени, как инженер закончит чертежи боевых машин, база для производства была готова...

– О чем вы думаете? – спросил Жак.

– Извини, – спохватился Шеллар, – я отвлекся. Продолжай.

– Да, в общем, это все. Больше я никого не встретил в этих горах, пока не наткнулся на ваших пограничников... – Он запнулся, замолчал, словно не решался что-то сказать. Потом спросил тихо: – Вы меня презираете?

– Тебя это так волнует? После всего, что с тобой было, тебе еще безразлично, что о тебе думают?

– Смотря кто думает. Ваше мнение мне безразлично.

– Ну, раз тебе так важно, скажу. Ничего похожего на презрение у меня к тебе нет. Это королевские паладины могут себе позволить презирать всех и каждого за малейшее отклонение от кодекса чести, а я всю жизнь работал в Департаменте Порядка и Безопасности и уяснил для себя несколько полезных вещей. Например, что не бывает абсолютного зла и абсолютного добра. Все люди имеют достоинства и недостатки, и дело только в их соотношении. А еще я весьма прагматично смотрю на большинство вещей, в том числе на этику. Ты ведь

больше всего переживаешь из-за того парня, которого искалечил, верно? Так вот, если хочешь знать, на твоём месте я бы нажал кнопку, не дожидаясь, пока мне пригрозят смертью, просто рассудив, что мой отказ ничего не изменит и ничем не поможет этому несчастному, а мне может стоить жизни. Я уверен, ты тоже прекрасно это понимал, но что-то тебе не позволяло прислушаться к голосу рассудка. Тебе пришлось дожидаться, пока заговорит страх. Его голос ты слушаешь хорошо.

– Да, – печально согласился Жак. – Я трус, и я это знаю.

– И очень жаль, – вздохнул Шеллар. – Это означает, что для разведработы ты не годишься.

– Для разведработы? – с откровенным ужасом в голосе повторил Жак. – Нет, только не это... Я вас умоляю, не надо... опять...

– Успокойся, в подвалы никто тебя не потащит. И принуждать никто не собирается. Ты действительно не годишься, и использовать тебя таким образом нерационально.

– А вы собираетесь меня как-то использовать? – В голосе беглого переселенца зазвучала горечь человека, доверившегося и обманутого. – Рационально? А это как? Тоже танки? Так я не умею. Или у вас есть свой Кастель Милагро, где трудятся на благо новой родины переселенцы? А может, тут подпольная мегасеть действует и у вас острая нужда в ломовиках? Так вы не стесняйтесь, меня же очень легко... использовать. Ствол к виску – и я весь ваш.

– Прекрати, – резко оборвал его Шеллар, поскольку уже запахнул истерику. – Не придирайся к словам. И не говори ерунды. За кого ты меня принимаешь?

– За человека, который весьма прагматично смотрит на этику, – угрюмо ответил Жак и уставился в пол.

Шеллар выбил трубку и стал набивать ее снова. Разговор ушел совсем не в то направление, что он хотел. Нужно было что-то исправлять, и срочно, иначе этот перепуганный переселенец действительно решит, что его опять поволокут в подвал и начнут угрозами принуждать к сотрудничеству. А этого нельзя было допустить ни в коем случае. Трус он там или нет, а работать под принуждением не будет, проверено на практике. Недостаток воли и смелости у этого парня вполне компенсируется хитростью и умом, и сбежать он ухитрится откуда угодно. По хорошему с ним надо, только по хорошему. Шеллар раскурил трубку и продолжил разговор.

– Мое отношение к этике не значит, что я полный моральный урод, – сказал он. – Тем более что с точки зрения рациональности принуждать тебя к чему-либо нет смысла. Впрочем, как любого человека. Ты считаешь, что использовать людей вообще безнравственно?... Использовать можно кого угодно. Только нужно делать это так, чтобы сам человек не страдал, а напротив, чтобы ему было приятно и интересно. Вот сам ты, например, чем бы хотел заниматься? Тебе ведь все равно придется как-то устроиться в этом мире, чем-то зарабатывать на жизнь...

– Занятное рассуждение, – усмехнулся Жак. – Это следует расценивать как подхалимаж?

– А что, можно расценить это как угрозу? Ты меня что, за дурака держишь? Один дурак уже попробовал тебя принуждать, и я вижу, что у него из этого вышло. Успех налицо. Прямотаки блестящий. Теперь я наконец зашлю агента в этот проклятый замок...

Возможно, они спорили бы еще дольше, если бы их не прервал господин Флавиус.

– Прошу меня простить, – сказал он, входя в кабинет. – У меня новости. Когда и где изволите выслушать?

Шеллар покосился на переселенца и решил не выводить его в коридор. Вдруг в здании департамента уже появились враги и кто-то, кому не следует, заметит странную активность вокруг якобы пустого кабинета. Флавиус еще мог зайти в кабинет покойного начальника по своим делам, но что там мог делать в гордом одиночестве пленник? А слышал господин Жак на сегодня уже достаточно.

– Здесь и сейчас, – сказал Шеллар. – Этот не опасен. Так что?

– Власть захватил орден Небесных Всадников. Первосвященник Балмон уже обратился к народу с проповедью о том, что исполнилось пророчество и пала прогнившая династия, которая восемьсот лет угнетала... Подробно излагать?

– Не надо. Дальше.

– Только что он издал указ, которым запретил все магические и мистические школы, кроме своей. Новый глава департамента уже назначен и прибыл. – Флавиус замялся. – Мэтра Истрана не нашли... Он получил сведения, что в столицу возвращается принц-бастард Элмар, и поспешил встретить его и предупредить. Вы же понимаете, если...

– Понимаю. Продолжай.

– В его отсутствие за ним пришли пять воинов ордена с полиарговой сетью, ошейником и наручниками. Мафей оставался в замке один. Вероятно, мальчик очень испугался. Верхняя Северная башня разрушена полностью, среди развалин уже нашли обрывки полиарговой сети и... э-э... останки, если можно так выразиться, всех пяти воинов ордена. Мафей исчез, предположительно телепортировался в неизвестном направлении.

– Дальше.

– Новый глава департамента, брат Тиффан, ожидает вас в подвале. Изволите пройти?

– Здание полностью под контролем?

– Полностью.

– Тогда изволю, – кратко ответил Шеллар и встал из-за стола. Затем кивнул на Жака: – Пусть его отведут пока в камеру. Договорим позже.

– А вы в подвал? – поинтересовался переселенец. – Беседовать?

Его тон не оставлял сомнений в том, что договориться будет крайне сложно. Но уговаривать его дальше у Шеллара уже не хватило терпения. Оно просто вдруг кончилось, словно лопнула невидимая струна под неловкими пальцами пьяного барда, и всякие практические соображения начисто смело неодолимое желание заткнуть рот этому трусу и дать выход своим разбушевавшимся эмоциям.

– А что ты думал? – с непривычной для себя злостью в голосе произнес новый король. – Что я буду церемониться со сволочами, которые убили мою семью? Что я их буду уговаривать, как тебя? Ты знаешь, что Алеару было всего четыре года? Или ты думаешь, что люди, способные ради власти убить ребенка, достойны хоть какого-то сочувствия? Да я с этого нового начальника собственноручно буду шкуру сдирать, пока не расскажет, что у них запланировано дальше, и рука не дрогнет.

– А если он не скажет?

– Не скажет? Ты что, думаешь, что все люди такие же герои, как твой однорукий приятель, а ты какой-то уникум? Дурак ты. Все совсем наоборот. Люди в основном как раз такие, как ты. Он мне все скажет. И мне ни капельки не стыдно. А ты можешь убираться отсюда хоть сейчас, у меня нет ни времени, ни желания с тобой сопли развозить. Нужен ты мне!

Одним рывком выдернув ящик стола, Шеллар схватил первый попавшийся жетон-пропуск и швырнул в лицо несговорчивому наглецу.

– Вон из моего кабинета! И из моего департамента, чтоб я тебя больше не видел!

В коридоре Флавиус спросил:

– Ваше высочество, позволено ли мне будет поинтересоваться, как ваши успехи с этим юношей?

– Позволено, – кивнул Шеллар. – Он мне все рассказал. К сожалению, к дальнейшему сотрудничеству его склонить не удалось. Зря я так вспылил, конечно... Но достал он меня с этим подвалом. Слишком уж его напугали в Кастель Милагро.

– Не похоже, чтобы его пытали, – заметил Флавиус.

– Нет, ему только показывали. Этого хватило, чтобы составить мнение о мистралийцах. Он сдал их с потрохами. Мне бы не хотелось, чтобы он составил о нас такое же мнение, но... что-то я сделал не так. А жаль.

– Он может быть полезен?

– Именно. Но это тот случай, когда человек должен сотрудничать по своей воле, иначе пользы от него не будет. Мистралийцы, к примеру, попытались его принудить и понесли серьезные потери.

– Он маг?

– Нет. Переселенец. Но совершенно уникальный. Я тебе потом расскажу.

Прогнозы Шеллара касательно разговорчивости брата Тиффана полностью оправдались. Лишенный возможности пользоваться магией, пожилой магистр оказался далеко не героем. Выжав из него все, что можно, Шеллар распорядился удавить пленника и направился к себе в кабинет, на ходу пробегая глазами протокол допроса и одновременно отдавая приказания двум офицерам и верному Флавиусу.

Кабинет был пуст. «Ну и хрен с ним, – подумал Шеллар – пусть делает что хочет, пусть идет куда хочет, есть дела поважнее».

События той ночи и следующего дня Шеллар помнил плохо. Даже его феноменальная память на этот раз не справилась. Воспоминания о битве за столицу были отрывочны, несвязны и перепутаны по времени.

Он помнил, как сидел в кабинете, выслушивал доклады и отдавал приказы. Помнил, как долго стоял у окна и думал, просчитывая возможные варианты развития событий. Как он оказался на улице – не помнил. Запомнился только холодный ветер, продувавший плащ.

Он помнил, что носился по городу, расставлял полицейские патрули и собирал разбежавшихся магов. Помнил, как несколько раз где-то выступал перед народом. Где он встретил Элмара – не помнил. Врезались в память счастливые глаза принца-бастарда, ярко-синие на загорелом лице, и радостный крик: «Шеллар! Ты жив!»

Он помнил, как брали штурмом королевский дворец, где засели заговорщики. Как поднимались по мраморной лестнице закованные в броню королевские паладины, напоминающие те самые боевые машины, о которых рассказывал переселенец, и как над ними висели, перебиваясь разными цветами, ауры защитных заклинаний. Это было красиво. Помнил, как летали над дворцом огненные шары, ледяные стрелы, молнии, слепящие радуги и прочие атрибуты битвы магов. Это тоже было красиво. Как он оказался под обстрелом – не помнил. Запомнил топтавшийся без командира отряд полицейских и свою мысль, что они так и протопчутся на месте, если им ничего не приказать.

Он помнил, как шел вместе с этим отрядом. У него в руках был тяжелый армейский арбалет, подобранный около какого-то покойника. Над его головой свистели стрелы и летали молнии, но ему не было страшно. Он не умел бояться. Помнил, как Элмар прикрывал его своим щитом и ругался: «Куда ты прешься, тханкварра! Ты же стрелять толком не умеешь, боец из тебя, как из тролля алхимик! Какого демона ты под стрелы полез? А если убьют? Что мне тогда делать? Собственную задницу на трон громоздить? Хоть меня бы пожалел, если себя не жалко!» Как и когда все кончилось – вспомнить не мог. Помнил только, как Элмар встал на одно колено и присягнул ему на верность. И вслед за ним все паладины. Это тоже было красиво, и в то же время дико и ненормально.

Вечером этого же дня, когда все было кончено, нашелся Мафей. Его привели какие-то патриотически настроенные горожане, которые прятали мальчишку у себя со вчерашнего дня. А еще они принесли неизвестного героя, который спас принца от магистров ордена. Неизвестный герой пребывал в бесчувственном состоянии. На нем была все та же потрепанная мистралийская униформа без знаков различия.

Пока Шеллар думал, что сказать, Элмар, который в таких случаях не имел склонности думать вообще, а действовал исключительно эмоциями, в порыве душевного подъема и обезумев от радости, пригласил всех во дворец. Точнее, в то, что от него осталось. Горожане, в свою очередь обалдевшие от подобной демократичности, изъявили желание немедленно рассказать принцам историю весьма удивительную и достойную восхищения. Мафея хотели увести в его покои, чтобы успокоить и уложить спать, но он разревелся еще сильнее и заявил, что ни на шаг не отойдет от своего спасителя, пока не убедится, что с ним все в порядке. Тогда ему позволили остаться при условии, что он немедленно прекратит рев, не подобающий принцу. Мафей мгновенно притих. В конце концов все расселись прямо в королевской столовой, куда натащили вина и закусок, и горожане с принцем рассказали, как все произошло.

Принца Мафея поймали в доме Элмара, где он попытался спрятаться. Поскольку появление Элмара в городе было для ордена нежелательно, в дом пришли несколько магистров ордена, чтобы устроить засаду. Здесь они и наткнулись на Мафея. После побоища во дворце сил колдовать у маленького эльфа не осталось, и он поступил как обычный напуганный ребенок – бросился бежать. Догнали его уже на улице, схватили и начали вязать. Мафей орал и сопротивлялся, чем привлек всеобщее внимание и собрал вокруг себя толпу. И вот, когда его опутали сетью, застегнули наручники и стали надевать ошейник, из толпы выскочил странный молодой человек и возмущенно завопил:

– Мужики, у вас что, мульки выбило? Что это вы с ребенком делаете?

Пять магистров удивленно оглядели наглеца и велели проходить, пока его не арестовали за противодействие властям. Наглец и не подумал уходить, повернулся к зевакам и закричал:

– А вы чего стоите? Вас тут толпа, а их только пятеро! И вы все смотрите, как взрослые жлобы истязают ребенка?!

– Это государственный преступник, – объявил один из магистров. – И ты тоже, как я вижу. Арестуйте его, братья, за подстрекательство к бунту. А вы все разойдитесь, – обратился он к толпе.

Зеваки заколебались. И тут маленький принц заорал:

– Вы все сволочи! Вы подлые убийцы! Вы мою маму убили! Приедет кузен Элмар, он вам всем покажет!

– Да это же принц! – крикнул кто-то в толпе.

– Точно, принц! – поддержал другой голос. – А я все понять не мог, что у него с ушами!

– А говорили, что династия пала!

– Врали! А герой Элмар? Он ведь правда приедет!

– Уж он приедет, он тут всем покажет!

– Мы и сами покажем! Бей гадов! Мочи их! – с воодушевлением завопил неведомый наглец и подобрал с земли камень. – Булыжник – оружие пролетариата! Религия – опиум для народа! Эй, ксендзы! Бога нет!

И запустил в магистров каменюкой. Но не попал. Один из магистров сделал несколько пассов, и отважный агитатор, вскрикнув, зашатался, а потом рухнул замертво. Толпа загудела, полетело еще несколько камней, но магистры быстро отгородились защитным полем.

– Ты что с ним сделал? – спросил один.

Тот, что колдовал, удивленно посмотрел на тело и пожал плечами:

– Понятия не имею. Я его хотел только обездвижить.

Магистры стали звать подкрепление, и тут случилось самое удивительное. Лежавший без признаков жизни юноша вдруг открыл глаза, поднял руку и, не вставая, стал чуть пошевеливать пальцами. И пошла такая магия, какой горожане отродясь не видывали...

Толпа быстро раздалась, прихватив связанного принца, благо магистры были заняты битвой. А бой был таким, что не приведите боги! В конце концов неизвестный герой разделал всех пятерых противников гигантской мухобойкой, возникшей из ниоткуда. Но сам так и остался

лежать без чувств. Даже глаза закрыл и рукой перестал шевелить. Добрые люди его подобрали и отнесли к лекарю, но тот ничем не смог помочь. А когда беспорядки в городе закончились и люди собрались отвести принца домой, он потребовал, чтобы его спасителя тоже принесли во дворец, и высказал надежду, что мэтр Истран сможет что-то сделать. Вот такая вот история.

Выслушав всех, Шеллар поспешил спровадить верноподданных горожан, пригласив их на коронацию в качестве почетных гостей и пообещав выразить свою безмерную благодарность в более подобающей обстановке. Когда гости удалились в совершенном восторге, он первым делом настоял, чтобы принц Мафей тоже покинул столовую и отправлялся спать. Взрослые будут заниматься делом – думать, чем помочь пострадавшему герою, и мешать им не следует. На этот раз принц не посмел возражать.

Шеллар упал в кресло и посмотрел в окно. Солнце клонилось к закату. Прошло немногим больше суток с того момента, как в его кабинет ворвался Флавиус. И почти двое с тех пор, как принц последний раз спал. Теперь, когда над городом повисла тишина, когда все закончилось и не надо было больше никуда бежать, Шеллар наконец почувствовал, как он устал. У него не было сил даже думать о том, что завтра, и послезавтра, и еще несколько дней ему предстоит опять бегать высунув язык и наводить порядок.

Западное крыло дворца сильно пострадало во время штурма, поэтому в свои комнаты он не пошел. Там не хватало стен, и не было ни одного целого стекла. В спальне, по-видимому, взорвалось несколько огненных шаров, и находиться в ней теперь было невозможно. Он решил остаться здесь, в уцелевших королевских апартаментах. Здесь же были и Элмар с соратниками, и мэтр Истран. Мэтр не хотел отходить далеко от Мафея, а Элмар заявил, что, во-первых, ему лень идти домой, а во-вторых, он сто лет не видел горячо любимого кузена и намерен провести хотя бы вечер в его обществе.

Они были одни в огромном пустом здании. Слуги и придворные разбежались кто еще до штурма, кто после него и возвращаться не собирались, по крайней мере, до завтрашнего утра.

Элмар, все еще взбудораженный после сражения, сидел за столом, уплетая все, что попадало под руку, и влюбленно смотрел на кузена Шеллара. Его синие глаза сияли восторгом. Он просто был рад видеть друга живым и, похоже, ни о чем другом не мог думать. Около него чинным рядочком восседали его соратники по подвигам – лучница Валента, статная рослая девица с роскошной косой, мистик Шанкар, смуглый и черноглазый, с обритой наголо головой, и волшебница Этель, маленькая и шуплая, как девчонка. Мэтр Истран, склонившись над лежащим на диване Жаком, внимательно его осматривал.

«Вот ведь не везет, – подумал Шеллар, по привычке доставая трубку, и вспомнил, что табак у него кончился еще утром. – Этот парень мог быть полезен. Сколько он знает такого, о чем мы никогда в жизни не слышали... Как он это сделал? Как, не имея понятия о магии, ввязался в драку с пятью магистрами и победил? А еще говорил, что он трус...»

Шеллар поднялся и подошел поближе. Жак лежал неподвижно, даже дыхание можно было заметить, только очень внимательно присмотревшись. Его нечесанные каштановые лохмы рассыпались по кремовому бархату обивки, рука бессильно свисала с дивана. Он был похож на тряпичную куклу.

– Допрыгался? – почему-то вслух сказал Шеллар. – Не сиделось тебе в департаменте, пошел приключений на свою задницу искать...

Он почему-то чувствовал себя виноватым за вчерашние слова. Не надо было так. Не стоило. Можно было договориться по-хорошему. Не смог. Нервы сдали.

– Вы его знаете? – поинтересовался мэтр Истран, выпрямляясь и отходя от дивана.

– Немного, – кивнул Шеллар. – Я с ним беседовал в департаменте.

– Мистралийский беженец? – уточнил маг и занял кресло, с которого только что встал Шеллар.

– Теперь – да. А вообще-то он переселенец. Только учтите, это секретная информация только для служебного пользования. Не болтайте.

Он снова посмотрел на Жака, потом на трубку, которую держал в руках, и молча направился к двери.

– Ты куда? – окликнул его Элмар.

– Схожу к себе, – не оборачиваясь, ответил Шеллар. – Табак поищу.

– Не ходи один! – встрепнулся Элмар и подхватился с места, поспешно дожевывая кусок. – Я тебя провожу!

Шеллар хотел напомнить, что он не маленький, но смолчал. Он понимал Элмара. Бедняга чуть умом не тронулся, узнав о том, что случилось дома, примчался сломя голову в столицу, чуть не попал в засаду... Он ведь думал, что любимый кузен Шеллар погиб вместе со всеми. Кто-то даже успел ему сказать, что от друга детства осталась только серебряная звезда и куча обугленных потрохов... Бедный Элмар чуть не тронулся умом вторично, на этот раз от радости, когда увидел Шеллара живым. И теперь первый герой, конечно, будет над ним трястись и всячески оберегать, боясь потерять его снова. Даже если опасаться совершенно нечего.

– Я тоже пойду с вами, – сказала лучница, поднимаясь вслед за Элмаром. – А господа маги пусть пока подумают.

«Боги, ну и бардак здесь... – думал Шеллар, осторожно ступая по битому стеклу и перешагивая через обломки мебели. – Надо распорядиться, чтобы начали ремонт. Если начать рано утром и работать полные сутки без перерыва, до послезавтра тронный зал можно будет привести в порядок и короноваться. Тихо и по-быстрому, без всяких празднеств и торжеств. Было бы чего праздновать... А все остальное можно будет не торопясь отремонтировать уже после того. Все равно здесь больше никто не будет жить...» Он вспомнил, что рано утром ему предстоит помогать распорядителю церемоний в организации похорон, опознавать останки родственников, и эта мысль вдруг отдалась болью где-то в глубине глазниц, словно на глаза надавили изнутри. Резко и очень больно. Вслед за этим в глазах загло, словно в них сыпанули перца. Шеллар остановился и стал тереть глаза, одновременно пытаясь не думать о завтрашнем дне, переключиться на что-нибудь другое.

– Что с тобой? – встревоженно спросил Элмар, хватая его за плечо. – Тебе плохо? Может, присядешь?

– Просто я не спал прошлой ночью, – ответил Шеллар и послушно присел на опрокинутый шкаф. – Что-то жжет... Ничего, сегодня выплусь, и все пройдет.

– А когда ты ел последний раз? – не унимался Элмар. – Тоже позавчера?

– Вчера, – возразил Шеллар. – Успокойся, я не голоден.

– Ты совсем о себе не думаешь, – упрекнул его кузен. – Посмотри, какой ты худой! Ничего не ешь и еще куришь натошак! И не спишь сутками.

– Пойдем, – сказал Шеллар, поднимаясь, чтобы прекратить эти нравоучения. – Уже все прошло. Я просто устал. Сумасшедший был день, сам понимаешь, не до еды...

В его кабинете царил полный разгром. Стол был разрублен пополам. Из разбитого окна свисал труп в бело-голубой кольчуге воинов ордена. Шкаф лежал посреди комнаты дверцами вниз. Шеллар попытался его поднять, но не смог.

– Дай-ка я, – сказал Элмар и, легко подхватив громоздкий шкаф, одним движением поставил его вертикально.

Шеллар выдвинул ящик и обрадованно достал мешок с табаком. Он, не отходя от ящика, набил трубку и стал искать по карманам спички. Спички тоже кончились.

– Элмар! – безнадежно воззвал он. – У тебя спичек нет?

– Я не курю, – напомнил Элмар.

– А как же ты в походе без спичек обходишься? Костер там, все такое?

– А зачем мне спички, если все мои соратники курят?

Спички оказались у Валенты.

– Прошу вас, ваше высочество, – серьезно сказала она, поднося горящую спичку.

Шеллар быстро прикурил и поблагодарил девушку, чувствуя себя крайне неловко. После нескольких затяжек он понял, что жизнь не так плоха. И что теперь вполне можно вернуться в королевские апартаменты и отдохнуть. Но сначала следовало узнать, что же случилось с беднягой Жаком.

– Что скажете, господа маги? – спросил Шеллар, когда они снова расселись по диванам.

– Ничего не понимаю, – пожал плечами мэтр Истран. – Шанкар говорит, что это транс. Станный какой-то транс, я такого не видел.

– Просто очень глубокий, – пожал плечами мистик. – Я тоже не встречал подобного. Однако из этого не следует, что такого не может быть. Наши познания ограничены путями наших учений. Кто-нибудь знает, к какой мистической школе принадлежит этот странный юноша?

– Его высочество, кажется, сказал, что он переселенец, – напомнил мэтр Истран. – Но я никогда не видел переселенца-мага, равно как и переселенца-мистика. Я имею в виду настоящего мистика, а не простого служителя.

– А Казак? – перебила старшего непочтительная Этель.

– Еще не доказано, что он переселенец, – тут же парировал придворный маг. – Если во всем полагаться на слухи...

Этель фыркнула и проворчала себе под нос что-то ехидное о манере некоторых ветхих старикашек спорить о том, чего не знают.

– Должен сказать еще одну вещь, которая вас, наверное, еще сильнее озадачит, – продолжил Шеллар, устало потягивая трубку. – Он вообще не маг и колдовать не способен в принципе. Он из мира, в котором магии практически нет. Что теперь скажете?

– А-а, вот оно что! – хмыкнула Этель. – Шанкар, ты, наверное, ошибся. Какой может быть транс, парень просто сгорел.

– Но он ведь жив! – горячо возразил Элмар. – Мы должны попробовать что-то сделать!

– Можно попробовать. Но это бесполезно.

– Что значит – сгорел? – спросила Валента.

– Понимаешь, – пояснила Этель, – бывает так, что человек, никогда не занимавшийся магией, случайно открывает для себя доступ к Силе. Но он не в состоянии управлять ею, и неконтролируемая Сила сжигает его изнутри.

– Судя по тому, какую огромную Силу он сквозь себя пропустил, – добавил Шанкар, – парень вообще должен был умереть на месте. Но это похоже на транс.

– Ну да, пятерых магистров мухобойкой... – проворчал мэтр Истран. – Это же надо было додуматься! Дорвался до Силы на дармовщину... Действительно странно, что он еще жив. Дайте-ка, я на него посмотрю еще раз.

– Пожалуйста, – Шеллар не возражал. – Вдруг все-таки можно что-то сделать. Если честно, он мне нужен. Вернее, короне.

Волшебники вылезли из-за стола и в который раз собрались вокруг Жака, оживленно обсуждая уникальный случай. «Наверно, уже предвкушают, как будут рассказывать собратьям по школе, где были, что видели, – с неприязнью подумал Шеллар. – А вот я вам сейчас возьму и запрещаю! Из соображений государственной безопасности!»

Почему-то ему вдруг стало обидно. Странно, ведь всего сутки назад он и сам рассматривал переселенца в чисто утилитарных целях, выяснял, годится ли тот для разведработы. А теперь, когда Жак лежит как неживой и никто не знает, что с ним делать, парня почему-то жалко как родного.

– Откуда ты его знаешь? – спросил Элмар, утаскивая с блюда последний пирожок. – Он твой агент?

– Нет. Я же говорил: он бежал из Мистралии и я с ним беседовал в департаменте. Он много интересного мне рассказал. Потом... потом его выпустили. А он и двух часов не смог прожить без приключений! Как он ввязался в драку с пятью магистрами, он же всего на свете боится... Еще и ухитрился дорваться до Силы!

– Знаете, ваше высочество, – серьезно сказала Валента, – люди часто сами не представляют, на что они способны. Он, наверное, увидел, что магистры схватили принца, и забыл о страхе. Так бывает.

Шеллар покачал головой и замолчал, попыхивая трубкой. Потом задумчиво произнес:

– Пойдите, ведь он не знал, что это принц...

– Как – «не знал»? – удивился Элмар. – Да нашего Мафея кто угодно узнает! Он же такой один во всем мире, наверное.

– Откуда переселенец мог знать, что у нас есть принц-эльф? И что других таких мальчиков в мире нет? Он и эльфа-то никогда в жизни не видел.

– Ну не знал, – согласился Элмар. – Тогда еще более достоин восхищения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.